

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 02.04.2021
Принята к публикации: 27.05.2021

Людмила Петровна АНУФРИЕВА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация

lpnufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

ПРОДОЛЖАЯ ДИСКУССИЮ О СОБСТВЕННО «ПРИНЦИПАХ» В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И НЕ ТОЛЬКО...

ВВЕДЕНИЕ. Положение дел в российской науке в области исследования проблемы принципов в международном праве можно обрисовать в виде достаточно статичной картины, внушающей безмятежную веру в неизменность существующего состояния. Это состояние заключается в иллюзии отсутствия сложностей и проблем: исходим из наличия бинарной оппозиции принципы / нормы, а также дихотомии основные / отраслевые принципы. При этом отраслевые принципы альтернативно и в большинстве случаев равнозначно именуются также специальными [Черниченко 2014:101-102]. Следствием подобного убеждения является презумпция аналогичности отраслевых и основных принципов по существу и функциям, исходя лишь из наименования и места в нормативной системе (отрасли). Несомненно, у отраслевых и основных принципов в МП есть нечто общее: во-первых, они складываются объективно, а, во-вторых, на их составах (перечнях) и содержании сказывается специфика регулируемых отношений, присутствующая в отдельных отраслях. В то же время при всей справедливости сказанного рассматриваемая область весьма разнопланова, непроста и способна породить немало различий во взглядах, неприятие или поддержку, дискуссии, возражения и т. п., что объясняется реальным присутствием большего видового и прочего разнообразия принципов в международном праве.

Ввиду этого требуется более придирчивый взгляд на проблему: с одной стороны, обосновывающий факт, что принципы не хаотичное явление в системе международного права, с другой, обеспечивающий предметный их анализ, с учетом дифференциации и идентификации объектов, претендующих на то, чтобы быть зачисленными в категорию принципов, выстраивания их типологии и т. д. Подобный подход не только логичен, но прежде всего своевременен и тем самым вполне оправдан.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой статьи служат положения международных договоров, разработок Комиссии международного права ООН, актов правоприменения Международного суда [ООН] и других международных судебных учреждений, иных документов, отражающих позитивное («положительное») международное право, а также воззрения наиболее известных деятелей в области теории и практики международного права. Исследование оперирует различными общенаучными и частнонаучными методами: диалектического материализма, структурного и системного анализа, формальной логики, дедукции и индукции, сравнительного правоведения, историко-ретроспективного подхода, формально-юридического анализа, правового моделирования, техники юридических доказательств и правового обоснования (*legal reasoning*), а также разнообразных приемов юриди-

ческого толкования и пр., принятых в отечественной и зарубежной юриспруденции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Цель публикации – провести некоторое уточнение научных данных применительно к такой фундаментальной категории, как принцип международного права, достигается за счет идентификации разнообразных конструкций, оперирующих элементом «принципы» или сходными понятиями, их упорядочения (систематизации) и отграничения от иных явлений, присутствующих в рамках международно-правовой действительности, – не зря этот дискурс обозначен уже в названии статьи: «... о принципах в современном международном праве и не только...». Чтобы разобраться в функционировании международного права как системы принципов и норм, для уточнения и упорядочения базовой терминологии проведена типологизация понятий, относящихся к принципам и образующих юридический фундамент современного регулирования межгосударственных отношений, поскольку неоднородность различных руководящих положений, претендующих на роль принципов МП, даже при отсутствии у некоторых из них нормативной природы, предстает в виде ряда очевидных фактов. В качестве таковых выступают, с одной стороны, диверсификация нормативно выраженных принципов в современном международном праве, что обусловливает установление идентифицирующих признаков каждого из имеющихся их разрядов, а с другой – необходимость построения их системы. Наряду с этим основания для «стратификации», т. е. распределения принципов по отдельным группам (допустим, деления на основные и отраслевые или общесистемные и специальные), далеко не изучены и также нуждаются в целенаправленном приложении усилий теоретиков. С учетом этого автор дифференцирует отраслевые и специальные принципы, обосновывая выделение среди последних особого разряда – принципы автономных («самодостаточных») договорных режимов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Думается, существует серьезное смысловое разграничение между

постановкой вопроса о «принципах современного международного права» и «принципах в современном международном праве». Словосочетание «принципы в международном праве», имея более широкий смысл, при отсутствии к тому же однозначности понимания самого термина «принцип», более точно отражает состояние вопроса о принципах в науке международного права, равно как и сущность, особенности, функциональные качества конкретного вида объектов, иногда именуемых «принципами». Когда речь идет о принципах международного права, они идентифицируются преимущественно как основополагающие, руководящие, иерархически самые высокие нормы в рамках системы международного права, важнейшие составные части этой системы и классифицируются по родовым и видовым признакам в зависимости от их конкретных характеристик. Формула «принципы в международном праве» говорит о таком взгляде на предмет, который имеет более широкий и менее структурированный диапазон вариантов для квалификаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принципы в международном праве, система принципов международного права, типология, отраслевые принципы, специальные принципы, принципы автономных договорных режимов, замкнутый / самодостаточный режим, общее право, обычное право, договорное право, *lex generalis*, *lex specialis*, общие принципы права, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только... – *Московский журнал международного права*. №2. С. 6–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>Research article
Received 02 April 2021
Approved 27 May 2021**Ludmila P. ANUFRIEVA**

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lpanufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

FOLLOWING UP THE DISCUSSION ON THE STRICTO SENSU ‘PRINCIPLES’ IN MODERN INTERNATIONAL LAW, AND BEYOND THE SAME ...

INTRODUCTION. *The situation in domestic legal science of Russia in the field of research of the subject of principles in international law may be ascertained in general terms as a fairly static picture that inspires a serene belief in the immutability of the existing position and further stable sustainability thereof. Such state of things consists in the illusion of the non-availability of difficulties or problems – a person starts from the point of a binary opposition in the values of principles / norms, as well as the unchangeable existence of the dichotomy of basic and sectoral principles. At the same time, let's take note, that sectoral principles are alternatively and in most cases equivalently treated as special ones [Chernichenko 2014:101-102]. The implications of the said assumption are ideas relevant to sectoral principles as based on the presumption of their similarity in essence and function, based only on the name and place in the regulatory system (branch of law). Undoubtedly, the general tendencies for the sectoral principles of the International Law (IL) are those, which, firstly, appear like basic ones, objectively, and, secondly, the lists and scope thereof depend from specific relations immune to particular branches of law. At the same time, with due account to the submissions afore-referred, the affected area is in many aspects significantly various, not simple and can give rise to many differing views, discussions, objections, rejection or support, etc., because it is conditioned by the real fact of availability in international law of a greater variety of substances/ other phenomena in the matter of principles.*

Due to the above, a more meticulous view of the prin-

ciples in international law shall be required: on the one hand, revealing the rationale for the fact that they are not a chaotic phenomenon within the system of international law, and, on the other hand, providing a substantive analysis of them, taking into account the differentiation and identification of objects that claim to be placed under the head of principles, construing the typology thereof, etc. Such an approach is not only assumed as logical, but prima facie due by time and, therefore, fully justified.

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on the provisions of international treaties, materials of codification of international law norms by the UN International Law Commission, judicial decisions, acts of law enforcement of the International Court of Justice or other international courts, and documents embodying the positive international law, as well as the teachings of the most highly qualified publicists in the field of theory and practice of international law. The research operates with various general and particular methods of analysis: dialectical materialism, structural and system analysis, formal logic, deduction and induction, comparative law, historical and retrospective approach, formal legal analysis, legal modeling, “techniques of evidence” (legal reasoning), as well as various methods of legal interpretation, etc., adopted in domestic and expatriate jurisprudence.*

RESEARCH RESULTS. *The purpose of this publication is to endeavor certain clarification of theoretical data related to such a fundamental category as “the principle of international law”, which is deemed to can*

be achieved through proper identification of various constructions that operate with the element “principles” or similar terms, by way of systematization and delineation thereof from other phenomena available in the framework of international legal reality. Therefore, it is not occasional that the title of the article operates with such a formula to designate the discourse: “... on the stricto sensu ‘principles’ in modern international law and beyond...”. To ensure the better links of the scope and objectives of the research in terms of highlighting the system of principles and smooth functioning both of international law itself and the entirety of its principles and norms, as well as to clarify and streamline the basic terminology and conceptual basis of international legal science in the matter of principles, the typology of concepts that form the legal backgrounds for contemporary regulation of interstate relationships has been commissioned herein, since there is heterogeneity of various heads of items that claim to be the principles of international law, even with no normative nature in some of them, etc. The same appears to be quite obvious facts. In witness of the same, there are, on the one hand, diversification of the normative principles expressed in modern international law, which determines the identifying features for each of existing heads of principles, and as an outcome of the latter, the need to build up the respective system, on the other hand. However, the grounds for “stratification”, i.e. the distribution of the principles per separate groups (for example, the subdivision into basic and sectoral principles or differentiation between the system-wide and special principles), are far from being exhaustively revealed as yet, and need in better targeted efforts of scholars. Due to the above, the author held differentiating sectoral and special principles inter se, having substantiated the segregation of the specific head of principles within the latter group – “principles of autonomous (self-contained) legal regimes”.

1. Общие положения, касающиеся дифференциации принципов в международном праве

Анализ современного международного права демонстрирует, помимо основных принципов, наличие их аналогов, воспринимаемых принципами и функционирующих в качестве руководящих правил юридически обязательного порядка (правда, имеющих менее широкую сферу для своего воздействия

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. It seems that there is a serious substantive distinction between the formula “principles of modern international law” and “principles in modern international law”. The discourse outlined as “principles in international law”, having a broader sense and destination, in the absence of an unambiguous understanding of the term ‘the principle’, is more diligent to reflect the state of things in the field of principles in so far the legal science / international law science is concerned regarding the essence, features, and functional qualities of any particular type of objects, sometimes referred to as ‘principles’. In case, if it comes to “principles of international law”, they are to be identified primarily as the fundamental, guiding, hierarchically high norms within the system of international law, bearing the burden of the most important components of this system, and are classified according to generic and specific characteristics, which depend on their salient features. The formula “principles in international law” assumes a view of the subject that has a broader and less structured range of options for qualifications.

KEYWORDS: principles in international law, system of principles in international law, typology, sectoral principles, special principles, principles of autonomous legal regimes, closed /self-contained regime, general law, customary law, treaty law, lex generalis, lex specialis, general principles of law, general principles of law recognized by civilized nations

FOR CITATION: Anufrieva L.P. Following up the Discussion on the stricto sensu ‘Principles’ in Modern International Law, and Beyond the Same – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.2. P. 6–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>

The author declares the absence of conflict of interest.

на регулируемый объект). К ним относятся, во-первых, принципы, направленные на регулирование специфических (причем однородных) отношений, т. е. отраслевые и подотраслевые / институционные и субинституционные принципы (например, принципы международного экономического (МЭП), морского или экологического и т. п. права для первого случая), а во-вторых, принципы международного торгового, финансового, инвестиционного или налогового права в МЭП, либо дипломатического и консуль-

ского права, права представительства государств в международных организациях и др. в праве внешних сношений, равно как, допустим, «права Гааги», «права Женевы» в международном гуманитарном праве и т. д.). Обычно в литературе принципы, о которых идет речь, называют как отраслевыми, так и специальными. Думается, однако, что для пущей точности целесообразно произвести более строгое упорядочение самих принципов и их наименований: называть принципы в рамках отраслей международного права «отраслевыми» (в зависимости от соответствующей ситуации – «подотраслевыми»), а во вторую группу поместить конкретные по предметным сферам действия и назначению принципы, регулирующие отношения в отдельных областях сотрудничества субъектов международного права, именуя их *специальными*. К ним, в частности, следует отнести принципы международного научно-технического сотрудничества, принципы информационного обмена, принципы международной ответственности, международного правосудия и др., поскольку перечисленные сферы не являются ни отраслями, ни подотраслями каких-либо отраслей МП¹.

В разряд специальных необходимо внести и *нетождественную*, но соседствующую с вышеупомянутыми принципами разновидность – *принципы, свойственные особым договорным, или специальным, автономным («самодостаточным») режимам*. В данном случае также наблюдается отсутствие аналогии с отраслевыми либо подотраслевыми принципами, что заставляет задуматься об их квалификации. Подразумеваемое при этом уточнение терминологии позволит осуществить дифференциацию принципов, отграничив отраслевые и подотраслевые принципы от иных рядов принципов, также относящихся к международному праву, но не являющихся ни отраслевыми, ни подотраслевыми принципами (равно как и руководящими нормами / принципами прочих структурных образований, существующих внутри разветвленных, сложно организованных отраслей или других

подразделений норм международного права). Таким образом, во избежание путаницы присвоение им наименования *специальных принципов МП* было бы полезным и оправданным с точки зрения его систематики. Материалы Комиссии международного права ООН, косвенно затрагивающие структурные, а также содержательные аспекты развития и несомненного усложнения нормативного массива в современном международном праве², оперируют понятиями «отрасли», «подсистемы», используя соответственно термины «отраслевые» и «специальные» принципы как синонимы, что в свете изложенного выше кажется весьма спорным. Тем не менее, разработчики указанного доклада КМП все же находят «нормативный смысл» отраслевого деления международного права, подмечая: «С такими отраслями или подсистемами в этом понимании принято связывать специальные правовые принципы, касающиеся применения соответствующих норм»³.

Понятие, функции и роль отраслевых и *иных категорий* принципов международного права, незаслуженно отодвинутые в сторону, несомненно требуют постановки их в центр внимания как предмета исследования. Достаточно сказать, что порою в науке не различают юридическое значение основных и отраслевых принципов: отраслевые принципы выдаются за основные, а некоторые основные «понижаются» до уровня отраслевых либо специальных. Таким образом, речь следует вести в целом о проблеме *принципов в международном праве*, которая длительное время фундаментально, всесторонне и системно не исследовалась, что на современном этапе несомненно должно быть скорректировано.

Исчерпать подобной констатацией даже схематичный круг всех значимых составляющих общего взгляда на принципы и связанные с ними проблемы не удастся, поскольку иногда в практике и доктрине международного права можно столкнуться с иными явлениями, нежели собственно «международно-правовые принципы», которые внешне кажутся не противоречащими характеру и особенностям современного между-

¹ Понятно, что аспект, касающийся структуризации и систематики международного права, представляет собой большую и явно отдельно стоящую проблему, поэтому обстоятельно в настоящем рассмотрен быть не может. Некоторые его грани, если и могут быть затронуты, то лишь постановочно и крайне фрагментарно.

² См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. Доступ: 15. <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

³ Там же. С. 74.

народного права. Речь, прежде всего, идет об «общих принципах права» и «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями». Однако обо всем по порядку...

2. Типология принципов международного права

Заявки на овладение особым приемом, используемым в науке в отношении различных объектов международно-правового анализа и именуемом «типология», иногда встречаются в правоведческих публикациях, однако далеко не всегда намерения исследователей увенчиваются реальными и успешными результатами⁴. Если принять за основу классическое утверждение философской науки о том, что типология⁵ есть специфическая классификация объектов по существенным признакам, покоящаяся на расчленении систем объектов, и их группировка с помощью обобщенной или идеализированной модели или типа⁶, то применительно к изучаемому явлению типом – конкретной идеальной моделью, единицей расчленения изучаемой реальности – будет выступать объект, именуемый «принцип международного права». Однако типология принципов международного права объективно должна мыслиться в виде «продолжения» типологии принципов права как таковых, в результате чего «предтипом», т. е. «предшественником» принципов в международном праве закономерно служит более широкое понятие – принцип права вообще, далеко не всецело совпадающий

по своей сути и роли с принципами международного права. Тогда в состав «расчленяемой реальности» нужно включить все существующие в международном праве юридические нормы руководящего, основополагающего значения, которые могут быть регуляторами межгосударственных (междувластных) отношений, т. е. общественных отношений, возникающих между субъектами международного права.

По мнению философов, проблемы типологии возникают во всех науках, которые имеют дело с крайне разнородными по составу множествами объектов (как правило, дискретных) и решают задачу упорядоченного описания и объяснения этих множеств⁷. В этом смысле материал международного права предоставляет широчайшие возможности. Вместе с тем в международно-правовой науке самому многообразию принципов уделялось откровенно мало внимания, вследствие чего не удивительно, что и типология принципов как специальный предмет, по существу, не знакома отечественной теории международного права⁸.

Методология создания типологии принципов МП оперирует как эмпирическими, так и теоретическими способами. В их основе, согласно общефилософским подходам, лежат:

- а) количественная обработка и обобщение;
- б) фиксация устойчивых признаков сходства и различия, устанавливаемых индуктивным путем;
- в) систематизация и интерпретация полученного материала (эмпирический способ);

⁴ В частности, в структурном плане докторской диссертации И.М. Лифшица поставлена конкретная задача построения типологии взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза. В реальности выдвижение предложений собственно по типологии в указанном направлении не состоялось – в параграфе 2.1 вразрез с его наименованием «Общие вопросы типологии взаимодействия финансового права и права Европейского союза» типология как самостоятельный предмет даже не затронута. См.: Лифшиц И.М. Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского Союза. Дисс. ...доктора юрид. наук. Москва. 2020.

⁵ Слово «типология» (греч.) состоит из двух частей: «отпечаток, форма, образец» и «слово, учение», из чего следует, что данная наука занимается синтезом и анализом соответствующих форм, типов или видов изучаемых объектов.

⁶ *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 685.

⁷ Там же.

⁸ В иностранной доктрине вопрос о типологии принципов получил своеобразную интерпретацию – он касается больше словоупотребления (в значении понятийного подхода), а вовсе не принципов международного права как таковых и тем более их разнообразия в формально-юридическом отношении, что предполагается самим понятием, раскрывающим явление «типология». Так, Г. Харт в связи с оспариванием свойства и статуса международного права считается «правом» пишет: «...разнообразие в типологии принципов, которые обычно руководят охватом общих классифицирующих терминов, слишком часто игнорировалось в юриспруденции. Тем не менее, источники сомнения относительно международного права более глубоки и более интересны, чем эти ошибочные взгляды на использование терминов. Более того, две альтернативы, предлагаемые этим простым способом разрешения вопроса («Будем ли мы соблюдать существующее соглашение или откажемся от него?»), не исчерпывают проблемы, ибо, помимо них, существует альтернатива показать наглядно и исследовать те принципы, которые в действительности управляют существующим словоупотреблением» [Hart 1961:216]. Вместе с тем даже в этой далекой от темы принципов цитируемой

г) выявление надежных способов идентификации объектов, отображение строения исследуемой системы объектов, выявление в ней закономерностей, позволяющих предсказывать существование неизвестных на определенном этапе объектов (теоретический способ)⁹.

Не претендуя на решение проблемы, а, скорее, лишь обозначая факт ее существования, стоит начать с некоторых «знаковых» точек. Один из наиболее часто используемых подходов к типологии права базируется на «формационном» критерии, т. е. выделении исторических типов права на основе характерных для определенных исторических периодов общественно-экономических и социальных типов производственных отношений (формаций). Разумеется, в зависимости от того или иного исторического типа права как совокупности «характерных, существенных, взятых в единстве черт права, выражающих сущность и условия развития системы права определенной общественно-экономической формации»¹⁰, которые в свою очередь воплощаются и в международном праве, различаются и действующие в нем принципы. Для целей настоящего исследования мы опустим все предшествующие новейшему международному праву формации с присущими им правовыми системами и сконцентрируем внимание только на современном этапе, хотя некоторые детали прошлых эпох бывают очень важны, поскольку многое могут объяснить в настоящем, в том числе и в части состояния международно-правовых принципов.

При построении типологии принципов международного права как явления, состоящего из множества объектов и подлежащего исследованию, целесообразно обращение к методам структурной типологии. Изучаемые объекты – принципы международного права, во-первых, должны быть распределены в пределах системы

по отдельным видам и подвидам в зависимости от общности признаков, а также наличия характерных отличий друг от друга, и, во-вторых, каждый из них нужно сопоставить со всеми остальными (по принципу «один против всех»).

В содержательном и структурном отношении в перечне принципов международного права в рамках их типологии различимы несколько видов (собственно «типов» для целей построения типологии), присутствующих в объективном праве и в теоретическом плане служащих, как указывалось ранее, «единицами расчленения систем объектов и их группировки»: основные (базовые – от англ. “basic”) принципы (иногда именуемые в литературе и нормативных источниках «общепризнанными» отраслевые принципы, а также конкретные принципы отдельных областей / сфер сотрудничества либо автономных режимов (действующих в международных организациях и объединениях преимущественно интеграционной природы), специально предназначенные для регламентации особых блоков отношений.

Для большей точности и определенности при рассмотрении представленного спектра принципов межгосударственного сотрудничества, думается, лучше безальтернативно именовать свойственные отраслям международного права принципы *отраслевыми принципами*, а принципы отдельных областей / сфер сотрудничества либо автономных договорных режимов – *специальными принципами*.

При этом «архетипом» в данном отношении выступает созданное в соответствии с международным правом императивное правило поведения, обладающее нормативностью, признанным субъектами МП характером юридической нормы и более того – иерархически наивысшей юридической силой и свойством служить ру-

работе, насущность такой категории, как принцип, все-таки обнаруживает себя: например, Г. Харт заводит разговор о поиске «базовой нормы» и ее роли в международном праве. Несмотря на то, что автор не применяет буквально термин «принцип» при рассмотрении «базовой нормы международного права», многочисленные ссылки на известные труды западной доктрины (Кельзена, Анцилотти, Браерли, Фитцмориса, Лаутерпахта, Джессепа и др.) свидетельствуют о небеспочвенности аллюзий на проблематику принципов [Hart:267-268]. Говоря же о современности, кажется, что до сих пор нет оснований констатировать прогресс в этой части. Во всяком случае в материалах КМП ООН, связанных с изучением темы фрагментации международного права, не нашлось места ни типологии, ни хотя бы отдельным видам принципов, несмотря на наличие подходящих поводов и предметов, – отраслевого деления МП, рассмотрения «автономных режимов», к числу которых, кстати, Комиссия относит и некоторые отрасли международного права (космическое, экологическое и др.), о чем пойдет речь далее. См.: UN International Law Commission: Report of the Study Group “Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law”, finalized by Martti Koskenniemi. April 13, 2006. P. 81, 98, 256. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/L.682> (accessed 12.01.2021).

⁹ *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 685.

¹⁰ Там же.

ководством в рамках или всей системы международного права, или какой-то из ее подсистем (прежде всего, разумеется, отраслей) сообразно кругу регулируемых общественных отношений и сегменту межгосударственного сотрудничества.

Не субстантивное, но и не служебное (вспомогательное или техническое) значение имеют другие явления, иногда трактуемые как разновидности рассматриваемого понятия, внешне будто бы очень похожие на правовые принципы, которыми оперировало «старое» и продолжает оперировать «новое» международное право. Речь идет об «общих принципах права», а также «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями». Наличие *внешних признаков*, сходных с принципами (наименования), и отсутствие качественных внутренних характеристик (свойств, которые присущи именно принципам МП как его главным – фундаментальным, «базовым», юридическим нормам), не позволяют поместить их строго в материал типологии принципов международного права, но множество нюансов, возникающих в связи с обсуждением их существа и пересекающихся с «юридической материей», не делает возможным и полное их игнорирование. Каждая из перечисленных здесь позиций нуждается в дальнейшем освещении, адекватном их значимости и соответствию объекту¹¹.

3. Отраслевые принципы международного права

В целом представляется, что раздел международно-правовой науки, касающийся отраслевых принципов международного права в свою очередь всерьез нуждается в особых усилиях со стороны теоретиков в целях получения новых знаний об этом предмете и их углубления. Проблематика отраслевых принципов тесно связана с вопросами отраслеобразования в международном праве, но ни то, ни другое не удостоено сегодня надлежащим исследовательским вниманием. Достаточно сказать, что достижения отечественной науки в последней из затронутых областей

относятся едва ли не к сорокалетнему прошлому. Следует отметить, что специалисты не во всем были единодушны, когда дело касалось факторов, обуславливающих выделение норм в особую отрасль международного права. До сих пор указанное является актуальным не только при обосновании наличия либо раскрытия содержания категории *отраслевые принципы*, но в отдельных случаях и при аргументации деления нормативного массива на отрасли и подотрасли в рамках международно-правовой системы.

В международном праве, в отличие от внутрисударственного права, принципы выступают практически второй по очереди, следующей за специфичным объектом регулирования, правовой абстракцией системообразующего (в рамках отрасли) порядка. Это оправдано постольку, поскольку объект международного права не может служить безусловным критерием для целей отраслеобразования, ибо во всех отраслях и подотраслях МП объект правового регулирования один и тот же – «междувластные» отношения¹². Не может способствовать отграничению одной отрасли международного права от другой ни дифференциация первичных элементов (норм, нормативных образований), ибо все нормы создаются самими субъектами рассматриваемой системы права, ни метод регулирования (он также един), суть которого выражается в координационной, а не субординационной природе. В качестве метода регулирования, как известно, в международном праве выступает согласование воли государств и иных его субъектов. Равным образом отраслям международного права свойственны те же субъекты: государства, межгосударственные организации, нации, борющиеся за свое самоопределение (независимость), государственноподобные образования. Следовательно, наряду с задачами и функциями принципы (т. е. юридические нормы, обладающие иерархически более высоким положением, чем обычные правила поведения, и выраженные вовне как таковые) в состоянии дать ответ на вопрос о выделении отрасли (подотрасли) в международном праве. Более того, именно наличие или отсутствие

¹¹ По поводу основных принципов как ведущей категории принципов международного права автор уже высказал свои соображения, вследствие чего останавливаться на этом здесь вновь ни в общем, ни в деталях, думается, нет нужды – см.: [Ануфриева 2021:6–27].

¹² Очевидность позиции о недостаточности одного лишь предмета (объекта регулирования) для создания отрасли международного права подтверждается высказываниями со стороны многих отечественных международников (А.И. Йойрыша, Ю.М. Колосова, Д.Б. Левина, С.А. Малинина, Д.И. Фельдмана, Е.А. Шibaевой и др.).

специфических норм (принципов) в определенном массиве международно-правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений, образует критерий для выявления самостоятельности их в рамках отрасли права.

О международно-правовых принципах как критериях отраслеобразования и структурирования системы международного права говорил, помимо Е. Т. Усенко [Усенко 1988:124-125; Усенко 2008:115-119], и В.А. Карташкин¹³. Хотя и вне контекста основ систематики МП, но по существу понимания, что такое отраслевые принципы, высказываются и западные деятели международного права, к мнениям которых вполне можно присоединиться. В частности, в цитирувавшемся докладе КМП ООН 2006 г. присутствуют следующие утверждения: «Каждому нормативному комплексу или "режиму" присущи свои собственные принципы, своя собственная форма экспертизы и свой собственный этос, который необязательно идентичен этосу соседней отрасли. Например, торговое право и право окружающей среды преследуют сугубо специфические цели и базируются на принципах, которые могут зачастую указывать в разные стороны»¹⁴.

Как представляется, эволюция взглядов на природу, структуру, отраслевое деление и систему международного права как нельзя лучше отражает процессы в самом международном праве, которое в ряде периодов развивалось революционно. В частности, в 70–80-х гг. XX столетия дебатировался вопрос о необходимых свойствах, которым должно удовлетворять отраслевое распределение международно-правовых норм, в то время как чуть ранее, в 50–60-е гг., отрицался статус международного права вообще как системы: оно «не является упорядоченной системой согласованных норм; в лучшем случае – это кон-

гломерат норм различного происхождения, более или менее произвольно систематизируемых авторами» [Wolfke 1993:95]¹⁵.

В обобщенном виде предложения, выдвинутые в правовой литературе в части систематики МП¹⁶, касаются ряда факторов, которые детерминируют в соответствующих случаях выделение совокупностей норм, претендующих на статус отрасли международного права. Среди них, во-первых, специфичность юридических норм и способов их создания (например, права международных организаций – Е.А. Шибаева); во-вторых, качественная обособленность отношений (С.А. Малинин); в-третьих, заинтересованность международного сообщества в развитии такой отрасли и совершенствовании специализированного правового регулирования конкретного вида / группы общественных отношений (скажем, «атомного права» – А.И. Йойрыш)¹⁷; в-четвертых, присутствие большого объема нормативного материала и его «сквозной» характер для соответствующей области отношений (Ю.М. Колосов). Фундаментальным выводом в отношении системы в целом и отраслеобразования в международном праве, в частности, нужно признать утверждения советских ученых прежде всего об *объективности* (противопоставленной произвольным конструкциям) *характера системы международного права*, которая опосредствует его внутреннее качество, обусловленное свойствами и закономерностями регулируемых им общественных отношений [Курс международного права... 1989:242].

Отсюда следует заключение об объективности возникновения и формирования также и составных частей системы – отраслей (подотраслей / институтов / субинститутов) международного права. В этом русле лежит еще и такой вывод: од-

¹³ См.: Карташкин В.А. Права человека и мирное сосуществование. Автореф. дисс...доктора юрид. наук. Москва. 1977.

¹⁴ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Марти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 15. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

¹⁵ Отрицалась, как известно, даже обязательная природа международного права, само качество быть «правом» [Hart 1961:215–217].

¹⁶ Развернутый спектр мнений по вопросу о различных критериях, предлагаемых отечественными международниками, присутствует в статье Д.И. Фельдмана [Фельдман 1979: 105–107].

¹⁷ Нужно признать: такой критерий трудно поддается идентификации. Тем не менее, любопытно, что это перекликается с упоминавшимся докладом Исследовательской группы КМП ООН по вопросу о фрагментации международного права 2006 г., в котором говорилось о «политических обязательствах», возлагаемых «на правоприменителей, увязывать свои решения с предпочтениями и ожиданиями общества, чье право они претворяют в жизнь». См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Марти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 25. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

ним из отраслеобразующих признаков в международном праве служит наличие у нормативного образования собственных принципов, хотя и базирующихся на основных его принципах. При этом очень важна классификация принципов международного права и принадлежность их к тому или иному разряду. Иными словами, в отличие от отраслей национального права, которые в силу внутригосударственной природы уже специфицированы *inter se*, обладая лишь свойственными их объекту регулирования принципами, международное право как система располагает несколькими категориями принципов. Этот вывод становится центральным для решения многих задач международно-правовой науки: «Положения общей теории права относительно критериев правовых систем, развитые главным образом на основе обобщения нормативного материала национального права, могут быть использованы при исследовании системы международного права лишь с учетом ее своеобразия» [Курс международного права...1989:243]. При этом, по мнению Д.И.Фельдмана, интегративные свойства системы выражаются в том, что «системообразующие компоненты единого целого в отличие от суммативного целого обладают общим качеством, которое отсутствует у них вне системы». И далее: «Для того, чтобы придать совокупности элементов свойство системы, нужно, чтобы в такой совокупности были объединяющее начало, принципы, оси, хребет, связующее звено, когда (по Канту) «целое главенствует над частями» [Фельдман 1983:4]. Нельзя не подчеркнуть, что в рассматриваемом вопросе отечественная (советская) международно-правовая школа если не опережала, то, по крайней мере, не отставала от иностранной доктрины (Р. Дворкин, Дж. Раз, А. Аарнио и др.), что выразилось в упрочении системного мышления, о котором в более масштабном измерении стали говорить в КМП ООН в начале XXI в.: «...правовое толкование и таким образом правовое обоснование создает системную взаимосвязь между нормами и принципами, выстраивая их в качестве элементов, составляющих часть каких-либо человеческих начинаний или целей. Отнюдь не являясь

чисто «академическим» юридическим упражнением, системное мышление проникает во все области правоведения... Это проистекает именно из «группового» характера, который обрели правовые нормы и принципы»¹⁸. В развитие сказанного для теории и практики правоприменения (и особенно толкования норм международного права), предложен даже новый концепт – «системная интеграция».

В работах Д.И. Фельдмана и отчасти Е.Т. Усенко красной нитью проходит также мысль об автономности определенной группы норм как о неперменном свойственном отраслевому делению признаке. Хотя Е.Т. Усенко сам признает его неточность и неконструктивность – своего рода инструмент определения *idem per idem*: «Критерий автономности бесспорен, – пишет он, – но сам по себе ничего не решает. Если мы говорим о группе норм, значит, предполагаем ее выделенность, в какой-то мере автономность. Но на чем основывается эта автономность? Данный критерий ответа дать не может» [Усенко 2008:114]. Можно, конечно, указать на специфику объекта регулирования, но это – второй виток хождения по кругу, и для решения вопроса о существовании отрасли, как было отмечено, этого недостаточно. Не будет лишним добавить еще одно замечание: дискутируемая автономность отрасли обладает относительностью, но для ее формирования в рамках системы МП требуется такой элемент, как принципы.

В ходе дальнейшего развития позитивного международного права и науки, его изучающей, системные и структурные теоретические положения (во всяком случае то, что касается признаков, определяющих отраслевое деление норм международного права, их качества, перечень, формирование и виды), до сих пор не получили всесторонней, научно обоснованной и развернутой интерпретации. Факт вычленения отраслевых принципов в процессе функционирования международного права поддерживается и международной судебной практикой. В решении по спору между Сальвадором и Гондурасом от 13 сентября 1990 г. МС [ООН] исходил из наличия *принципов морского права*¹⁹. В рассмотрении

¹⁸ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 25. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

¹⁹ См: International Court of Justice: Case Concerning Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador v. Honduras). Judgment of 13 September 1990. – *I.C.J. Reports*. 1990. P. 126. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/75/075-19900913-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020).

спора по делу «Габчиково – Надьмарош» тот же Суд, затрагивая вопрос о «принципе предосторожности», хоть и не подтвердил его статус как *принципа международного экологического права* с точки зрения нормативной завершенности выражения, но, как видно, связывал его именно с отраслью экологического права²⁰. В то же время Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации в деле «ЕС – Гормоны», оценив доказательства сторон, наоборот, пришел к заключению, что «принцип предосторожности в общем международном праве не получил должного закрепления, но является отраслевым принципом международного экологического права (курсив мой. – Л.А.)²¹. Причем Апелляционный орган указал, что, хотя этот принцип, вероятно, «кристаллизовался в общий принцип обычного экологического права, четко заявить, что он стал частью общего обычного права, невозможно». В другом деле третейская группа постановила, что «юридический статус принципа предосторожности остается неурегулированным» и ей «нет необходимости определять, действительно ли принцип предосторожности является признанным принципом общего или обычного международного права»²². В этой связи следует отметить, что в доктрине встречаются различные ситуации: некоторые отраслевые принципы признаются, во-первых, принципами общего международного права, во-вторых, его императивными нормами, а в-третьих, кумулятивно и еще более конкретно – *jus cogens*. Так, в отношении *mare liberum* (исторического принципа «свободы морей») М. Шоу полагает, что в современном морском праве «принцип свободы открытого моря» стремительно стал *основным принципом* международного права [Shaw 2017:490].

Насущным с исследовательской точки зрения вопросом выглядит не столько то, как ча-

сто международные судебные и арбитражные учреждения обращаются к отраслевым международно-правовым принципам, ибо факт их существования в международном праве не подвергается сомнению, сколько механизмы возникновения отраслевых принципов, обеспечение их связи с основными принципами и воздействие последних на развитие юридического содержания отраслевых принципов. Разумеется, процессы формирования отраслевого принципа в каждом отдельном случае могут отличаться, однако парадигмы связи и влияния на них со стороны основных принципов не могут не быть схожими.

Примечателен пример космического права в части появления основополагающего для него принципа свободы использования космического пространства и свободы пролета над воздушным пространством, входящим в состав государственной территории и подпадающим под действие суверенитета государства. Ю.М. Батурин пишет по этому поводу: «Интересный исторический факт: исходный «строительный блок» космического права не просто предшествовал старту первого в мире космического объекта, ... сам запуск спутника в США зависел ... от результата обсуждения одной из предполагаемых международно-правовых норм» [Батурин 2005:1]. Автор именует «исходный строительный блок» космического права международно-правовой нормой, хотя на самом деле речь должна идти, конечно же, о ведущем отраслевом принципе международного космического права. Важно отметить другое: в данном случае имел место своего рода парадокс, активная *национальная* космическая деятельность, которую вели поначалу две державы – СССР и США, требовала создания определенного *международно-правового* базиса (и прежде всего, принципиальной основы) ввиду колоссальной значимости объекта правового ре-

²⁰ См: International Court of Justice: Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros. (Hungary v. Slovakia). Judgment of 25 September 1997. – *I.C.J. Reports*. 1997. P. 62, 65. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/92/92-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 05.05.2021). Добавим, что КМП ООН иначе резюмировала свою позицию по затронутому предмету: «... Экологическое право, ... которое, как часто считают, снабжено специальными принципами, такими, как принцип предосторожности, "загрязнитель платит" и "устойчивое развитие", которые являются руководством для решения экологических вопросов». См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскениеми. 13.04.2006. С. 77. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (accessed 05.03.2021).

²¹ World Trade Organization: Communities – Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones). 1998. Paras. 123–125. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:WT/DS/26ABR-00.pdf&Open=True> (accessed 12.01.2021).

²² World Trade Organization: EC – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products 2006. Para. 7.89. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/291r_3_e.pdf (accessed 12.01.2021).

гулирования – межгосударственных отношений, самой сферы, в которой они осуществлялись, а также теоретической разработанности понятийной базы («космическое пространство», «космические объекты», «летательные аппараты», «космическая деятельность» и др.).

Масштабное соперничество и даже противостояние двух великих держав – Советского Союза и США – в 1950-е гг. в производстве новых видов энергии и освоении космического пространства осуществлялось прежде всего в военных целях, т. е. для обеспечения безопасности за счет создания новых видов оружия, в частности, баллистических крылатых ракет, разведывательных спутников и пр. Впервые то, что ныне известно как «доктрина открытого неба», прозвучало в середине 1950-х гг. Решение о запуске американского научного спутника было принято в качестве американского вклада в проведение Международного геофизического года – совместной программы 1957-58 гг. с участием 67 ученых, на основе резолюции Международного совета научных союзов 1954 г., которая нацеливала на запуск искусственных спутников для содействия картографированию Земли. В силу ряда стратегических и тактических причин политического характера, а также действия психологических факторов запуск первого искусственного спутника Земли СССР был смещен назад с 6 на 4 октября 1957 г. С этого момента начался отсчет первого этапа в формировании доктрины открытого неба, а также иных специальных принципов международного космического права.

Вот как описывают в литературе соответствующие обстоятельства: «Спутник делал виток за витком, пролетая над территорией многих стран. США внимательно следили за их реакцией. Дипломатических демаршей и протестов в мире не последовало...: «Русские ненамеренно создали для нас хорошую ситуацию для утверждения принципа свободы космического пространства», – сказал заместитель министра обороны США...» [Батуринов 2005:9].

Запуск Советским Союзом 3 ноября 1957 г. второго, «биологического» спутника Земли с собакой Лайкой на борту, практически через месяц

после первого, ознаменовал не только успешное завершение начального этапа в освоении космического пространства, но и кардинальный перевес в политическом измерении в пользу СССР, а вместе с тем и возникновение иных отраслевых основополагающих норм международного космического права: использование космического пространства исключительно в мирных целях²³; нераспространение ядерного оружия на «третью среду» (космос), неразмещение там прочих видов вооружений. Со временем основные принципы уважения суверенитета и равноправия, сотрудничества государств обеспечили формирование целого блока норм международного права – «общего достояния» или «общего наследия человечества» и т. п. как ведущих принципов ряда отраслей, в том числе международного космического, международного морского, международного гуманитарного права и др.

Функционирование отдельных звеньев либо конкретных инструментов в механизмах влияния основных принципов на возникновение и развитие отраслевых принципов различны, но имеется некий общий «заряд» – прежде всего, их высокий уровень абстракции (обобщения), который позволяет осуществить «разворот» на специфический объект регулирования именно той грани основного принципа, которая в наибольшей степени соотнобразится с ним. В этом смысле можно говорить о наличии некоей связки (парных категорий) в рядах основных и отраслевых принципов международного права. Примерами могут служить, скажем, основные принципы МП и отраслевые принципы МЭП: уважение государственного суверенитета и суверенного равенства (основной принцип) и принцип неотъемлемого суверенитета государств над своими естественными ресурсами; принцип сотрудничества (основной принцип, закрепленный в Уставе ООН) и принцип сотрудничества в целях развития; принцип неприменения силы и угрозы силой как основной принцип общего международного права и принцип запрета принудительного взыскания долгов (в более широком ключе – использования силы в международных экономических отношениях)²⁴.

²³ См.: письмо Президента США Н.А. Булганину от 13 января 1958 г.: «Мы согласны с тем, что космическое пространство будет использоваться только в мирных целях» [Батуринов 2005:11]. Кроме того, см.: Генеральная Ассамблея ООН: Резолюция № 1348 (XIII) от 13 декабря 1958 г. «Вопрос об использовании космического пространства в мирных целях». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/1348%28XIII%29> (дата обращения: 12.01.2021).

²⁴ См.: UN General Assembly: Resolution No. 3281 (XXIX) dated December 12, 1974 "Charter of Economic Rights and Duties of States". URL: [https://undocs.org/en/a/res/3281\(XXIX\)](https://undocs.org/en/a/res/3281(XXIX)) (accessed 14.01.2021).

Будущность отраслевой разветвленности в рамках системы международного права трудно однозначно предсказать. Однако в свете изложенного представляется немаловажным подчеркнуть, что искусственное выделение в МП отраслей или «размножение» последних правоведами на бумаге, в отрыве от реалий жизни и международной практики, контрпродуктивно. Примечательно, что еще в начале 70-х гг. прошлого столетия Генеральным секретарем ООН был предпринят обзор международного права в свете решения КМП ООН составить список тем для включения в долгосрочную программу ее работы по кодификации и прогрессивному развитию международного права²⁵. В нем содержалось 17 глав, часть из которых соотносилась с отраслями или общесистемными институтами международного права: право международной безопасности; право экономического развития; ответственность государств; правопреемство; дипломатическое и консульское право; право договоров; морское право; воздушное право; космическое право; право окружающей среды; право международных организаций; права человека; право вооруженных конфликтов; международное уголовное право и др. Как видно, с тех пор не столь многое изменилось в структуре международного права и количественном росте его отраслей, здесь наблюдается скорее устойчивость, нежели угрожающие темпы подвижности.

4. Специальные принципы в международном праве

Как указывалось ранее, этот разряд принципов заслуживает отдельного места в системе международного права, в том числе в системе принципов. Специальные принципы действуют в *конкретных областях сотрудничества* субъектов МП: например, в сферах международной безопасности, военного сотрудничества, охраны культурных ценностей, правовой помощи или образования, науки, техники, передачи технологий и инноваций (международное научно-техническое сотрудничество), банковского, таможенного, страхового дела, торговли, финансов, кредитно-денежных, валютных или инвестиционных и прочих отношений, реализуемых как в институционализированных, так и не инсти-

туционализированных формах (традиционных, «классических» международных организаций и / или интеграционных объединений и др.), в которых создаются так называемые автономные / «замкнутые» / специальные договорные режимы. Скажем, принципы международного научно-технического сотрудничества, содействия развитию новейших технологий в развивающихся странах в эпоху «четвертой промышленной революции», роста уровня наукоемкости экономик и их диджитализации (цифровизации) приобрели несомненную специфичность и автономность по отношению к основам правового регулирования других сфер человеческой деятельности. Определенной автономизации правового режима подвержено в настоящее время даже регуляторное взаимодействие государств, осуществляемое в условиях отсутствия институционализации, – если речь идет, к примеру, о параорганизациях (БРИКС).

В свете сказанного ранее распределение по разным группам отраслевых и специальных принципов в рамках международного права – вопрос отнюдь не схоластический. Конкретизация видового многообразия принципов, уточнение их места в структуре нормативного массива МП и, наконец, упорядочение терминологии требуются для целей совершенствования регулирования. Нет нужды лишней раз доказывать, что учет всего спектра отличительных черт (регулируемых общественных отношений, которые обладают соответствующей индивидуальностью по отношению к их «внешнему ряду» и одновременно внутренней общностью *inter se* создаваемых норм, целей и задач, стоящих перед правовым регулированием, избираемых способов воздействия на регулируемый объект и др.) крайне важен для обеспечения эффективности рассматриваемого процесса.

Следовательно, и подход к специальным принципам в двух разных ситуациях, когда речь идет о регламентации сотрудничества в конкретных областях при отсутствии институционализации (предположим, МНТС) либо же о договорных автономных («самодостаточных») режимах, – должен быть дифференцирован. Дополнительным обстоятельством, усиливающим важность разграничения, специфичность множества факторов влияния и в силу этого специ-

²⁵ См.: UN International Law Commission: Report of the International Law Commission on the work of its twenty-third session, 26 April-30 July 1971. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_8410.pdf (accessed 14.01.2021).

ализацию регулирования, а соответственно, и роль «специальных» принципов, служит классификация и идентификация самих объединений и действующих в них правовых режимов в зависимости от того, являются ли они обычными межгосударственными объединениями, т. е. «классическими» международными организациями (ММПО – универсальными или региональными) либо образованиями интеграционного типа. Для последних, помимо самой природы объединения государств, заключающейся в импульсах к интеграции и сообразной этому направленности связей и сотрудничества в целом, со всеми присущими особенностями, характерен регионализм (в противовес «классическим», в большинстве случаев универсальным международным организациям), а значит, комбинация рычагов воздействия неправового (политического, исторического, этнического, иногда религиозного или иного), но чрезвычайно важного, порою детерминирующего порядка.

И если для некоторых сфер правового регулирования международного сотрудничества вопрос о принципах представляется довольно прозаическим, то применительно к так называемым договорным «самодостаточным» / автономным, специальным и т. п. режимам он далеко не рядовой. В связи с этим уместно упомянуть *inter alia*, что этот аспект в современной отечественной литературе зачастую рассматривается лишь в самых общих чертах, что нередко сопряжено с проблемами фрагментации международного права.

Иначе выглядит состояние дел в иностранной доктрине. В частности, Б.Зимма и Д.Пулковски в статье с говорящим названием «О планетах и Вселенной: самодостаточные режимы в международном праве» незамедлительно вслед за опубликованием доклада КМП ООН о фрагментации МП затронули злободневные и фактически неразработанные грани автономных режимов. По многим вопросам (приемлемости самого термина, «исключительности» специального режима, соотношения с общим международным правом и др.) они выступили критически настроенными оппонентами идей участников дискус-

сии в Комиссии международного права [Simma, Pulkowski 2006:483–530]. Настоятельность качественного анализа и в России, и за рубежом указанных и прочих аспектов «автономных», «самодостаточных», специальных и т.д. «договорных режимов» не утрачена до сих пор.

Данная ремарка тем более применима к принципам, действующим в рамках последних. Действительно, тематика, касающаяся принципов подобного рода, заслуживает интереса к себе в силу разных обстоятельств. Прежде всего, эти принципы, не будучи ныне классифицированными в качестве отдельного видового понятия в научном аппарате МП, следовательно, и не выступая основательно изученным предметом, пока не привлекают внимание теоретиков международного права. Да и само явление, касающееся непосредственно автономных, специальных, «самодостаточных» договорных режимов, неоднозначно воспринимается международно-правовой доктриной. Его обсуждение в ходе подготовки материалов по теме в рамках деятельности КМП ООН, содержание Доклада Исследовательской группы под руководством М. Коскенниemi о фрагментации международного права и развернувшиеся по этому поводу дебаты со всей очевидностью подтверждают такое наблюдение²⁶. Упомянутый выше обзор Генерального секретаря ООН, наметивший направления тем и разработок для КМП, да и сами текущие материалы Комиссии свидетельствуют о возникновении новых витков теоретических споров по, казалось бы, неожиданным вопросам. В частности, при исследовании проблемы фрагментации МП и «самодостаточных» договорных режимов, как сама Комиссия международного права ООН²⁷, так и не связанные на тот момент с ее работой представители науки пришли к совпадающему мнению о существовании в настоящее время по крайней мере четырех примеров подобного рода: «подсистем, которые часто ассоциируются с понятием «автономных режимов», – дипломатического права, права Европейского сообщества, ВТО и прав человека» [Simma, Pulkowski 2006:483]. КМП ООН допускает расширение

²⁶ Отношение авторов к названному явлению отражается в самих заголовках некоторых публикаций [Lindroos, Mehling 2005:860–866].

²⁷ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Марти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 69–73. <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

списка, включая в него гуманитарное право, космическое и экологическое право²⁸. В современных условиях едва ли не самым устоявшимся «самодостаточным» режимом считается право международной ответственности. Приведенные суждения заставляют задуматься над очередной каверзной задачей: нет зашло ли в тупик традиционное построение системы МП? Ведь налицо гипотетическая утрата этой системой своего «двоичного» алгоритма развития: общее / целое (система) – часть (отрасль / подотрасль) за счет смешения или комбинации структур отрасли и автономный (специальный) режим!

Представляется, однако, что тотального распространения автономных режимов и тем самым поглощения ими отраслей МП не произойдет, поскольку строй отрасли и строй автономного режима существенно разнятся: в отрасли – одномерный (линейный), а в автономном режиме – многомерный, разнопорядковый и разнонаправленный. Кроме того, противопоставление общего и специального (а именно это и составляет суть правового феномена в случае «самодостаточно» правового режима) объективно присутствует в отрасли гораздо в меньших масштабе и концентрации за счет гомогенности регулируемых общественных отношений. Стоит только обратиться к примерам интеграционных объединений или к некоторым международным организациям (скажем, ВТО, МВФ, МБРР), чтобы понять, насколько неоправданно говорить о тождественности отраслей международного права и автономных специальных режимов». Кроме того, это неизбежно послужило бы триггером для разрушения

всей системы международного права, несмотря на сегодняшнюю оптимистичную риторику, оперирующую инновационными понятиями системного мышления, системной интеграции и т. п.

Специальные принципы автономных режимов. Лаконичный, но не всеми принимаемый ответ на вопрос, отраженный в подзаголовке, можно получить, обратившись к основополагающему документу КМП ООН – докладу М.Коскенниemi о фрагментации международного права, где указывается: «Такие области, как «право в области прав человека», «право ВТО», «европейское право» / право ЕС, «гуманитарное право», «космическое право», среди прочих, часто называют «специальными» в том смысле, что нормы общего международного права предположительно изменены или даже исключены при их применении. Часто говорят о «принципах международного экологического права» или «принципах международного гуманитарного права», имея в виду, что в определенной степени эти принципы отличаются от того, что общее право предусматривает для аналогичных ситуаций»²⁹.

Может создаться впечатление, что явление автономных режимов (self-contained regimes) возникло вследствие бурного развития международно-правовых норм, их специализации и диверсификации, приведших к обширной фрагментации международного права, о которой говорили лишь в конце XX–начале XXI вв. Между тем терминологически и фактически с этим явлением можно столкнуться еще в практике Постоянной палаты международного правосудия (дело «Уимблдон», 1923 г.³⁰).

²⁸ Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 73. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

²⁹ Там же.

³⁰ Permanent Court of International Justice. Case of the S.S. "Wimbledon". Judgment of 17 August 1923. URL: https://legal.un.org/PCIJsummaries/documents/english/5_e.pdf (accessed 16.01.2021). Несмотря на известность дела, нелишне остановиться на нем ввиду почти классической чистоты некоторых характерных черт затрагиваемого предмета. В споре шла речь о праве, применимом к плаванию военных и иных судов по Кильскому каналу, построенному Германией на своей территории и до 1919 г. имевшему статус внутреннего водотока государства, которому принадлежали оба берега. Версальским договором 1919 г. Кильский канал не был приравнен к другим внутренним судоходным водотокам в Германской империи. В его тексте есть особые правила, предназначенные исключительно для Кильского канала, во многом отличавшиеся регулирования прочих внутренних судоходных водотоков империи. Конкретное же различие заключалось в том, что Кильский канал был открыт для прохода военных кораблей и транзита *всех государств, не воюющих с Германией*, тогда как общие правила предусматривали свободный доступ к ее внутренним судоходным водотокам только для союзных и ассоциированных держав. Поэтому режим Кильского канала, как указывается в упомянутом Докладе КМП ООН, имел «автономный характер», что означает исключение действия положений, касающихся других водотоков. См.: Комиссия международного права ООН: Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. 13.04.2006. С. 66-67. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 15.01.2021).

Между тем обозначенный ракурс обладает далеко не до конца раскрытой научной и практической значимостью. Целесообразно выделить важнейшую «стыковую» проблематику: к примеру, вопросы о широком или, наоборот, узком понимании термина автономный / специальный режим, об абсолютности и / или относительности «замкнутого» характера автономных режимов, о видах их «исключительности», о соотношении *общих* и *специальных* норм международного права, «жестких» («концентрированных») и «слабых» («разбавленных») формах *lex specialis* и т. п., что служит ключевыми предпосылками в исследовании такого понятия, как «специальные принципы» в международном праве. Именно эти моменты и являются, собственно говоря, преобладающими при установлении существа того, что называется специальными, или «самодостаточными», т. е. автономными договорными режимами, требуя самостоятельной проработки³¹.

При изучении обозначенной проблематики следует подчеркнуть, что и в отдельных областях сотрудничества, и в рамках функционирования автономных / договорных правовых режимов, включая международные организации (Всемирную торговую организацию (ВТО) или Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и т. п.) либо интеграционные объединения (ЕС, ЕАСТ, ЕАЭС, Андское сообщество наций, НАФТА, МЕРКОСУР; проект будущего: «Панафриканское экономическое сообщество» (ПАЭС) — организация государств Африканского союза, создающая основы для взаимного экономического развития среди большинства государств африканского региона, в цели которой входит создание зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, центрального банка и единой валюты, т. е. экономического и валютного союза; Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС - ECOWAS), Восточно-Африканское сообщество (ЕАС), Общий рынок для Восточной и Южной Африки (COMESA); и др.). Первостепенное значение в регулировании соответствующих отношений имеют, разумеется, основные принципы международного права.

Несмотря на то, что такое утверждение, - произведя все необходимые грамматические согласования. Так, специалисты, занимающиеся изучением взаимных связей РФ с иностранными государствами, обращаясь к конкретным сферам взаимодействия государств, отмечают, что имплементация отдельно взятых принципов «не должна быть изолирована от реализации международных принципов деятельности межгосударственных объединений, в которых Россия является участницей, в частности, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, а также общепризнанных принципов международного права» [Поветкина 2017:70]. В целом, конечно же, общий смысл наблюдений верен: неразрывность всего комплекса международно-правового регулирования по отношению к основным принципам международного права, о какой бы его части ни говорилось, в том числе и в рамках различных по природе международных объединений (БРИКС, ШОС, ЕАЭС или СНГ и т.д.), очевидна. Однако акцент, думается, должен быть поставлен на ином: стоит подчеркнуть не столько принципы деятельности самих организаций, сколько принципы сотрудничества государств в этих образованиях. Это в корне поменяет дело, ведь существенны не принципы деятельности какой-либо организации, функционирующей в соответствующей сфере (военная безопасность, экономика, наука, техника, здравоохранение, образование, экология, культура и т. п.), а принципы взаимодействия государств друг с другом в рамках данного образования, которые закладываются в его основу с самого начала в силу специфики решаемых задач. В этом плане принципы интеграционного взаимодействия существенно отличаются от принципов координации сотрудничества в международных организациях «классического» типа, хотя понятно, что и те, и другие будут корнями уходить к основным принципам международного права. При этом, подчиняясь определенным отраслевым принципам МП в зависимости от сферы деятельности организации (к примеру, в ВТО это многосторонняя международная торговля, в Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития – валютно-финансовая и инвести-

³¹ Помимо материалов КМП ООН, указанных ранее, см. решение вопросов о *lex specialis* в процессе выработки проекта Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, об определении видов «исключительности» автономных режимов, соотношения *lex generalis* и *lex specialis* и др. в: UN International Law Commission: Third report on State responsibility, by Mr. James Crawford, Special Rapporteur. Para. 420. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_507.pdf (accessed 16.01.2021).

ционная деятельность, в ИКАО – организация межгосударственного взаимодействия в области воздушного сообщения, безопасности международных полетов гражданской авиации; в ИМО, ИНМАРСАТ – координация международного морского судоходства, связи и эксплуатации ресурсов Мирового океана; в Интерспутнике, Европейском космическом агентстве – исследование и освоение космического пространства; в ОБСЕ, ОБМДА, МАГАТЭ и др. – сотрудничество и контроль для целей международной безопасности), специальные принципы будут служить сущностным проявлением и содержательным воплощением основных принципов МП.

В российской юридической литературе недавнего времени появилось немало «нетривиального» в решении краевых вопросов интеграционного сотрудничества. Так, в одной из новейших публикаций при рассмотрении правового регулирования интеграции, включая понятия системы права и правовой системы, а также принципов и соотношения права интеграционного сообщества («коммунитарного права») с общим международным правом, говорится об автономности правового режима соответствующего образования, которая простирается до такой степени «особости» его права (к примеру, ЕС), что мысль о его сегрегации по отношению к международному праву в целом покажется не только закономерной, но едва ли не приведет к прямо противоположному выводу – о доминировании над МП права ЕС. В частности, И.М. Лифшиц полагает, что «институты ЕС ... устанавливают собственные базовые фундаментальные нормы и принципы, которым не могут

противоречить нормы международного права» [Лифшиц 2020:227]. Пожалуй, с этим категорически нельзя согласиться, ведь именно нормы Устава ООН расставляют здесь все точки над *i*, указывая в ст. 103, что «в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Никаких сомнений: нормы Устава ООН превалируют над любыми иными правилами, в том числе и над нормами региональных соглашений³², выступая соответствующим мерилom правомерности.

Следовательно, общий вывод, касающийся специальных принципов, в том числе тех, что определяют автономный договорный режим в рамках интеграционных объединений, таков: юридическим фундаментом служат основные принципы международного права, а их конкретизация должна реализовываться в специальных принципах каждого интеграционного объединения индивидуально, ибо нет принципов интеграционного взаимодействия государств отдельно от общего международного права и его основы, но каждое объединение строит сотрудничество входящих к его состав государств-членов, руководствуясь целями, задачами и интересами, зафиксированными совместно в учредительных актах сообщества при условии их непротиворечия действующим императивным нормам общего международного права и, разумеется, как подчеркивалось ранее, прежде всего нормам Устава ООН. В силу этого принципы интеграции в ЕС отличаются от принципов интеграционного сотруд-

³² Надо заметить, что и сами решения Суда ЕС не идут вразрез с приведенными нормами Устава ООН: в деле «*Kadi v. Council and Commission*» Суд первой инстанции Суда справедливости Европейского Союза, охарактеризовал *jus cogens* как «свод наивысших норм международного публичного права». См.: European Court of Justice: Yassin Abdullah Kadi v Council of the European Union and Commission of the European Communities. Judgment of the Court of First Instance (Second Chamber, extended composition) of 21 September 2005. Para 226. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=82FE99DA5F576CBBE27B29B1EC7E6D8C?text=&docid=59906&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&oc=s&first&part=1&cid=14470819> (accessed 17.01.2021). И хотя магистральный вектор в упомянутой части практики этого судебного учреждения не является устойчивым (в публикациях названного автора справедливо указывается и на это), при всех прочих условиях большим весом обладает соответственно та правовая позиция, которая получила положительный отклик в международном масштабе. В данном случае это подкрепляется и европейской доктриной (см.: [Conklin 2012:837–861]), и констатациями КМП ООН (см.: International Law Commission. Sixty-ninth session. Geneva, 1 May–2 June and 3 July–4 August 2017. См.: UN International Law Commission Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. P. P. 3/47–4/47. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/706> (дата обращения: 17.01.2021). Вообще указание на приверженность принципам международного права содержится в учредительных актах ЕС и практике Суда ЕС. Вместе с тем вряд ли было бы уместным упрощение проблем – об этом свидетельствуют различные подходы к определению соотношения правопорядка ЕС и международного права. См.: Исполинов А. Дело Achmea, автономный характер права ЕС и права ЕАЭС и бесславный закат концепции «интеграционного права». – *ЗаконРy*. 29.03.2021. Доступ: https://zakon.ru/blog/2021/3/29/delo_achmea_avtonomnyj_harakter_prava_es_i_prava_eaes_i_besslavnyj_zakat_koncepcii_integracionnogo_p (accessed 17.01.2021).

ничества в Евразийском экономическом союзе, а руководящие нормы права «Андского сообщества наций» – от права МЕРКОСУР («Южноамериканского общего рынка»), равно как принципы НАФТА отличаются от принципов Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и т.д. Для сравнения: право ЕС, не вполне «гомогенное» с точки зрения формально-юридической оценки фундаментальной основы, поскольку оперирует принципами, «ценностями», а также «ценностями общественного устройства», располагает принципами subsidiarity, пропорциональности, равенства государств-членов, уважения национальной индивидуальности, лояльного сотрудничества, взаимного уважения и содействия друг другу в выполнении задач, вытекающих из Договоров (ст. 4 Маастрихтского договора). В числе шести принципов как *ценностей* Союза, закрепленных в ст. 2 ДЕС, значатся: человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, господство права, соблюдение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Помимо этого, существуют еще шесть ценностей, указанных в качестве *признаков общественного устройства* государств-членов: плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность, равенство женщин и мужчин³³.

Право Евразийского экономического союза (ЕАЭС) строится на принципах, перечисленных непосредственно в ст. 3 Договора о ЕАЭС: уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. При этом в преамбуле учредительного акта ЕАЭС недвусмысленно обозначены приверженность «целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нор-

мам международного права», стремление к «укреплению экономического взаимовыгодного сотрудничества» с другими странами, международными интеграционными объединениями и международными организациями, учет норм, правил и принципов Всемирной торговой организации.

Другая пара интеграционных сообществ, объединяемых, пожалуй, лишь формально общностью организационно-правовой формы интеграции в виде зоны свободной торговли, – ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли) и НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле, ныне USMCA) – не только с позиций принципиальной основы, но и по многим иным важнейшим параметрам выглядит контрастно, что подтверждает справедливость вышеприведенного тезиса о коренных различиях в устройстве и организации интеграции. Так, в учредительном акте ЕАСТ в первостепенном порядке фиксируется формат объединения с закреплением того, что «учреждается международная организация «Европейская ассоциация свободной торговли», в дальнейшем именуемая «Ассоциация»» (ст. 1) и перечислением принципов: содействие и углубление сотрудничества по либерализации торговли, последовательное достижение целей свободы перемещения лиц, товаров, услуг, инвестиций, охрана прав интеллектуальной собственности, в том числе с установлением в определенных областях принципа национального режима, на основе соблюдения условий добросовестной и справедливой конкуренции, обеспечения экономического роста, устойчивого развития и др. Иными словами, недвусмысленно (причем положительно) решается вопрос о международной правосубъектности организации. В противовес этому новое соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA), вступившее в силу с 1 июля 2020 г., не сохранило даже в названии упоминания о сотрудничестве в рамках северо-американской зоны *свободной торговли* трех государств, реально обеспечив такую лишь для США, а в целом перешло на рельсы протекционизма и двусторонних обменов, прежде всего, со стороны США³⁴.

³³ Суд ЕС объявил эти ценности основой существования ЕС, продвижение которых является целью ЕС, в том числе на международной арене в соответствии со ст. 3 ДЕС. Иллюстрацией усилий ЕС по поддержанию и сохранению *принципа господства права Союза* стало разрешение Судом ЕС дела о признании изменений польского законодательства, сокращающих срок полномочий судей Верховного суда, противоречащим ДЕС [Лифшиц 2020:105].

³⁴ См.: Школяр Н. Новое НАФТА: свободная торговля под прицелом протекционизма. – *Российский совет по международным делам*. 8.02.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/united-states/novoe-nafta-svobodnaya-torgovlya-pod-pritselom-proteksionizma/> (дата обращения: 22.12.2020).

Право Всемирной торговой организации (ВТО) и принципы права ВТО. Особое место среди договорных правовых режимов занимает право ВТО и, в свете рассматриваемого предмета, принципы права ВТО. Вместе с тем право ВТО – не только «правовой режим, действующий в рамках международной организации», который регулирует ее учреждение, совершенствование и развитие, реализацию право-, дееспособности, права и обязанности согласно международному праву и национальному праву страны местонахождения штаб-квартиры организации, отношения с другими международными органами или учреждениями и субъектами международного права, прекращение деятельности и т. д., но это еще и правовой фундамент обеспечения функционирования международной *многосторонней торговой системы*. Соответственно принципы права ВТО включены органически и в данную систему со всеми ее особенностями, и в процесс достижения провозглашенных в учредительном акте целей и задач. Не имея возможности специально останавливаться на данном вопросе³⁵, отметим лишь самое существенное: принципы недискриминации (запрета дискриминации) в торговле, наибольшего благоприятствования (установления режима наиболее благоприятствуемой нации), национального режима, преференциального режима в пользу развивающихся стран, взаимности и взаимной выгоды, свободы и либерализации торговли, свободы конкуренции, транспарентности (прозрачности), запрета использования скрытых барьеров в торговле как средства конкурентной борьбы, – это полноценные правовые принципы, т. е. руководящие предписания, выраженные юридически как нормы права ВТО, которые должны регулировать взаимоотношения участников международной торговли, являющихся членами ВТО. Вместе с тем отнесение вышеуказанных норм к специфическим принципам международного торгового права, а еще шире – международного экономического права – не всегда единодушно воспринимается в среде теоретиков. Одни авторы видят в принципе национального режима собственно принцип международной торговли, т. е. основополагающее правило поведения, определяющее юридический фундамент взаимоотношений между государствами – субъектами между-

народного торгового права (И. С. Перетерский, Л. А. Лунц, М. М. Богуславский и др.), другие усматривают в нем некий «внутренний режим», особо связывая с его действием ограниченную сферу регулирования, прежде всего, иностранное инвестирование. Подчеркнем: будучи выражены текстуально в соглашениях пакета ВТО, они составляют коренной массив руководящих правил поведения членов организации и образуют *специальный правовой режим*, принятый в этой многосторонней торговой системе. Вопрос о степени автономности такого «договорного» режима порождает неоднозначные ответы в литературе. Между тем важно прояснить, что же именно скрепляет специальный договорный режим права ВТО как таковой. Презумпция его включенности в рамки международного права, безусловно, должна быть поставлена на первое место. Это мнение разделяют если не все, то большинство специалистов. В то же время перечисленные ранее принципы сами по себе не смогли бы сформировать автономный правовой режим, поскольку они известны и другим областям международного права. Следовательно, речь должна идти об иных инструментах, которые обеспечивали бы внутренне единство и целостность рассматриваемого правового режима. Таковыми в праве ВТО выступают принципы и нормы другого, нежели изложенные выше, функционального назначения, призванные обеспечивать урегулирование споров, равно как и «презумпции», «стандарты», толкование международных соглашений ВТО (в процессе реализации практики ОРС ВТО). Многие из выдвинутых гипотетических предположений раскрывается непосредственно в нормах «охваченных соглашений» ВТО. В частности, ст. 3 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, недвусмысленно устанавливает, что «система урегулирования споров ВТО является центральным элементом, обеспечивающим безопасность и предсказуемость многосторонней торговой системы. Ее члены признают, что система урегулирования споров имеет целью охранять их права и обязательства по охваченным Соглашениям и вносить ясность в отношении действующих положений этих Соглашений в соответствии с обычными правилами толкования международного права»³⁶ (п. 2 ст.3). Так, если в целом в

³⁵ Подробнее см.: [Право ВТО...2016:78-127].

³⁶ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 декабря 1994 г. Приложение 2. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. – *Справочно-правовая система Гарант*. Доступ: <http://base.garant.ru/2541158/> (accessed 12.01.2021). Пункт 2 ст. 19 Договоренности четко предусматри-

отношениях, регулируемых правом ВТО, признается применение принципов ответственности, свойственных общему международному праву, то п. 8 ст. 3 Договоренности императивно устанавливает, что «в случаях нарушения обязательств, принятых на основе охваченного Соглашения, возбуждаемое дело считается *prima facie* делом об аннулировании или сокращении выгод». В такой ситуации речь идет об особом инструменте права ВТО, который стоит на страже согласованного и принятого его членами правопорядка – презумпции «аннулирования или сокращения выгод». Это означает, что обычно нарушение правил влечет неблагоприятные последствия для других членов сообщества (общий подход в праве ответственности в международном праве), а в многосторонней торговой системе ВТО первостепенным обязательством выступает обеспечение отмены принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из пакета «охваченных соглашений». Обращение к компенсации, которое является ординарным в перечне мер возмещения вреда, причиненного правонарушением, в общем праве международной ответственности, здесь следует только в том случае, если немедленная отмена принятой меры не осуществима, и лишь на временной основе до отмены меры, несовместимой с охваченным Соглашением. «Последняя возможность, которую настоящая Договоренность предоставляет члену, прибегающему к процедурам урегулирования споров, – это приостановление действия уступок или других обязательств по охваченным Соглашениям на дискриминационной основе по отношению к другому члену при условии, если ОРС разрешает такие меры» (п.7 ст.3). Представленный порядок и характер перечисленных действий, направляемых в адрес члена ВТО, в полной мере вмещает в

себя ответ на поставленный ранее вопрос о движущих силах, приводящих в действие механизмы автономного договорного режима. Думается, нет нужды указывать, что устранение или повреждение какого-либо из названных звеньев разрушит всю систему «права ВТО». Недаром сегодня, когда механизмы и процедуры урегулирования споров в ВТО испытывают кризис, во многом вызванный деструктивными действиями США, подвергается серьезным рискам и сама многосторонняя торговая система ВТО, оформленная Марракешским соглашением и приложениями к нему.

Международное научно-техническое сотрудничество (МНТС). Ввиду своей значимости в развитии экономики отдельных государств и мировой экономики в целом наука в современном обществе стала непосредственной производительной силой, и МНТС заслуживает хотя бы краткого рассмотрения с позиций ранее указанной типологии и системы принципов, сложившейся в международном праве. Сопоставление форм и принципов сотрудничества, присущих международному взаимодействию в области науки и техники на разных исторических этапах, позволяет выявить присутствие сходных средств воздействия, которые были известны и ранее межгосударственным связям в затронутой сфере. Так, сохраняет свое значение сочетание договорных и институциональных инструментов реализации международных отношений по научно-техническому сотрудничеству. Вместе с тем обнаруживаются и новые черты, порожденные необходимостью совершенствования оформления договорных связей в области НТС и адаптации его правового регулирования к современным реалиям жизни. И в той, и в другой из названных составляющих МНТС принципы играют ведущую роль³⁷.

вает: «В своих заключениях и рекомендациях третейские группы и Апелляционный орган не могут расширять или урезать права и обязательства, предусмотренные в охваченных соглашениях». В то же время приведенные положения не должны восприниматься как незыблемые схемы, затмевая собой гораздо более сложные ситуации, возникающие в жизни. А к таковым относится установление условий для превалирования (в подлежащих случаях) «специальных норм» права ВТО над общими предписаниями МП. В споре «Корея – Меры, касающиеся государственных закупок» третейская группа установила: «...взаимосвязь соглашений ВТО с обычным международным правом шире этого. Нормы обычного международного права применяются в целом к экономическим взаимоотношениям между членами ВТО. Такие нормы международного права применяются в той степени, в какой международно-правовые соглашения ВТО не отклоняются от них. Другими словами, в той степени, в какой нет коллизии или несоответствия, либо же наличия в каком-либо охватываемом ВТО соглашении выражения, которое применяется иным образом, мы полагаем, что обычные нормы международного права применяются к международным договорам ВТО и процессу разработки международных договоров в рамках ВТО». См.: World Trade Organization: Korea – Measures Affecting Government Procurement. 2000. Para. 7.96 URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:WT/DS/163R.pdf&Open=True> (accessed 12.01.2021).

³⁷ Подробнее об этом и о принципах МНТС см.: [Ануфриева 1987; Шугуров 2012: 17–21; Ануфриева 2018:175–186; Ануфриева 2019:181–188; The Freedom of Scientific Research...2018; Global Environmental Change... 2018; Teimurov, Kozheurov

Осуществление научно-технического сотрудничества по совместному созданию или обмену новейшими технологиями, обеспечивающими инновации в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, образования, культуры, доступа к информации и т. д., немислимо в обход принципов международного права, которые складывались в международной системе постепенно и действуют, подвергаясь изменениям под влиянием объективных факторов. Основные принципы детерминируют характер, направленность, содержание, цели и задачи МНТС, отвечающие интересам государств, а также обуславливают юридическое содержание специальных принципов, которые в свою очередь конкретизируют те или иные стороны более высокого по уровню и более общего по функциям принципа-архетипа. Принципы МНТС конкретны, нацелены на достижение специфического эффекта в процессе регулирования соответствующих общественных отношений, которыми наполнены международные связи в области науки, исследовательской деятельности, создания новых знаний, передачи технологий и внедрения инноваций в экономики сотрудничающих государств. Таким образом, налицо взаимосвязь основных, отраслевых и специальных (конкретных) принципов, действующих в отдельной области. Поскольку блок научно-технического / технологического инновационного сотрудничества составляет ныне неотъемлемую часть более широкого взаимодействия государств в сфере экономики (производства, обращения, торговли, образования), и ввиду того, что наука в современных экономиках государств стала обладать «производительной силой», закономерно, что, помимо основных принципов международного права, имеет место действие и влияние именно принципов международного экономического права на правовую основу МНТС.

В результате опорными элементами юридического фундамента МНТС являются принципы равноправия, недискриминации, добросовест-

ности исполнения международно-правовых обязательств по НТС, сотрудничества в содействии мировому научно-техническому прогрессу, сближения уровней экономического и научно-технического развития между развитыми и развивающимися странами, свободы научных исследований, взаимной выгоды и справедливого распределения выгод от достигнутых результатов совместной научно-исследовательской деятельности в рамках международного взаимодействия, равного доступа и обмена информацией участников сотрудничества в отношении результатов научных исследований, эквивалентности и конфиденциальности. Научно-технический прогресс, будучи противоречивым по своему существу, может принести человеческому обществу как благо, так и серьезные потрясения. Ввиду этого непреходящий смысл имеет принцип осуществления научно-технического прогресса в интересах мира, развития, блага человека и человечества, зафиксированный в Декларации об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества 1975 г.³⁸

Подытоживая проведенную часть рассмотрения проблем разнообразия или дифференциации принципов в современном МП, новых явлений, возникших в международном праве (в частности, автономных режимов) и в свою очередь породивших очередные трудности в части принципов, необходимо привлечь внимание еще к одному небесспорному вопросу, разрабатываемому в документах КМП ООН. Имеется в виду концепция наличия особых разновидностей специальных режимов – так называемых единых (целостных) режимов (в оригинале – *single wholes or regimes*)³⁹. Не раз цитировавшийся Доклад о фрагментации выявляет три вида специальных режимов:

- а) специальные совокупности вторичных норм, касающихся ответственности государств;
- б) специальные совокупности вторичных норм и принципов, касающихся урегулирования какой-либо определенной проблемы;

2020]. См. Также: Basic principles for effective international science, technology and innovation agreements. Ed. by D. Fikkers and M. Horvat. 2014. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b5253eb5-1e1f-4656-98cd-e70f3fa9d226> (accessed 12.01.2021).

³⁸ Декларация ООН об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества от 10 ноября 1975 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/science.shtml (дата обращения: 12.01.2021).

³⁹ UN International Law Commission: Report of the Study Group "Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law", finalized by Martti Koskenniemi. April 13, 2006. P. 252. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/L.682> (accessed 12.01.2021).

с) специальные отрасли международного права со своими собственными принципами, институтами и телеологией». От комментария по понятным причинам придется воздержаться, хотя нельзя не заметить, что воспроизведенные положения влекут куда больше неясностей и недоумений, чем раньше.

5. «Общие принципы права»

Сразу стоит оговориться: это понятие в науке международного права как настоящего, так и прошлого, будь то в отечественной или зарубежной литературе, получив немалую долю внимания к себе, до сих пор предстает для одних общеизвестным, фактически аксиоматичным, для других – в существенной мере «фантомом». Тема «общие принципы права» была включена в долгосрочную программу работы КМП ООН⁴⁰. На 71-й сессии Комиссии был представлен первый доклад Специального докладчика, в осветивший эту тему и основные вопросы, которые должны быть включены в круг внимания Комиссии⁴¹. В докладе также анализировалась предыдущая работа Комиссии, связанная с общими принципами права и дан обзор их развития. Думается, что материалы разработок КМП инициируют новый виток обсуждения проблемы на основе соответствующих сегодняшнему времени выводов, полученных Комиссией, государствами и практикой международного права.

Категория «общие принципы права», а также присутствующее в положениях Статута Международного суда (а ранее в Статуте Постоянной палаты международного правосудия Лиги Наций) близкое им обозначение «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», несмотря на внешние признаки рудиментарности, имеют непосредственное юридическое значение и в современных условиях для международно-правовой действительности. В настоящее время, как и в прошлом, в зарубежной и российской международно-правовой науке бытуют несовпадающие позиции в отношении общих принципов права. Да и внутри научных доктрин указанных «миров» нет однородности. Как следствие, в рамках международно-правовой теории

до сих пор не существует развернутого, а тем более единого представления о рассматриваемом понятии. С учетом этого проблема выявления сущности и содержания общих принципов права как категории международного права является весьма актуальной, настоятельно требуя особого к себе внимания со стороны специалистов.

Еще Г.И. Тункин в известном труде «Теория международного права» (1970 г.) посвятил рассматриваемому понятию специальный раздел, озаглавив его «Проблема общих принципов права» [Тункин 2016:167–180]. Казалось бы, прошло более полувека, многое должно было измениться: и проблема могла перестать существовать, и само явление из terra incognita превратиться в хорошо изученный предмет. Однако до сих пор в отечественной и зарубежной международно-правовой науке применительно к «общим принципам права» не прибавилось ясности, а дискуссия так и не исчерпала себя. Более того, поскольку в иностранных изданиях перечисленный ряд терминов пополняется все новыми вариантами (например, в современном учебнике международного права коллектива немецких авторов присутствует и новое понятие – «общие правовые принципы» [Витцтум и др. 2015:193–194]), о чем пойдет речь далее, то выходит, что состояние разработок в этой части по-прежнему далеко от завершенности.

В литературе по международному праву словосочетание «общие принципы права» имеет различные варианты интерпретаций его природы и содержания. В одних случаях оно понимается как аналог термина «общепризнанные принципы и нормы» международного права, в других – как положения, общие для различных национальных правовых систем, нередко – как лишенные нормативности некие аморфные «общие контуры» каких-либо исходных международно-правовых положений, а иногда и как «общие принципы права, свойственные международному праву».

В отношении последнего Х. Кельзен явно выражал сомнения в существовании «принципов, общих для правовых порядков всех цивилизованных народов» [Kelsen 1952:540], ввиду идеологического и политического противостояния

⁴⁰ Генеральная Ассамблея ООН: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии. Доклад Шестого комитета. 13.11.2018. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/73/556> (дата обращения: 15.01.2021).

⁴¹ UN International Law Commission First report on general principles of law by Marcelo Vázquez-Bermúdez, Special Rapporteur. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/732> (accessed 17.01.2021).

государств. Укрепляясь еще более в своем предположении, он подчеркивает со ссылкой на ст. 38 Статута Международного суда, что последний должен разрешать переданные на его рассмотрение дела на основании международного права: «Можно поэтому утверждать, что общие принципы права могут быть применяемы, только если они являются частью международного права, а это означает – частью права, о которой упоминается в параграфах «а)» и «b)» ст. 38. Следовательно, параграф «с)» является излишним» [Kelsen 1952:540]. Разноречивой представляется позиция Ш. Руссо, который, с одной стороны, вслед за П. Гугенхеймом, Р. Филимором и Альбером Ж. де Ля Праделем полагал, что это – принципы, «принятые всеми государствами *in foro domestico*», а с другой стороны, считал, что в ст. 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия (от себя добавим, что и Статута Международного суда) речь шла о «принципах, общих внутреннему правопорядку и международному правопорядку», т. е. о «праве вообще» (*du droit sans épithète*), охватывающем как внутреннее право, так и международное. Вместе с тем, будучи не только принципами, общими для различных национальных правовых систем, но и общими принципами международного права, эти принципы не совпадают, по его мнению, ни с конвенционными, ни с обычными нормами [Rousseau 1944:511]. Более того, на основе анализа международных судебных и арбитражных решений он видел в «общих принципах права» некий «самостоятельный источник международного права», делая при этом акцент на уникальности подобного вывода, поскольку иначе нужно было бы считать, что данный подраздел Статута является излишним.

Эти положения так и остаются досконально не проясненными ни в том, что касается вопроса, какие решения из разряда международной судебно-арбитражной практики послужили основой для анализируемого заключения, ни относительно разгадки их сути, если они не совпадают ни с договорными, ни с обычно-правовыми нормами, ни, наконец, того, что обуславливает способность общих принципов права служить самостоятельным источником международного права. Казалось бы, ныне нет никаких сомнений в том, что общие принципы права (даже,

если бы они и были признаны явлениями в нормативно-правовом смысле) не создают особой формы объективирования (выражения вовне) норм международного права, и, значит, не могут являться формально-юридическим источником международного права. Этот вывод базируется на устоявшихся тезисах общей теории права. Вместе с тем в первом же докладе Специального докладчика КМП ООН, касающемся вводных положений темы «общих принципов права», утверждения обратного толка рефреном проходят по всему содержанию подготовленного материала⁴² не только без серьезных замечаний по этому поводу, но вообще без малейшей критики в адрес подобных констатаций. С этим трудно согласиться, однако предметное углубление в этот аспект требует куда больших объемов, нежели лимитированные настоящим.

В.М. Корецкий, посвятив в 1957 г. специальную работу рассматриваемому вопросу, однозначно утверждал, что «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», – это общие (основные) принципы международного права [Корецкий 1989:165]. Аргументация этого тезиса строится автором, во-первых, на отстаивании «демократического содержания» принципов суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств, самоопределения народов, ненападения, суверенного равенства, соблюдения международных договоров как «общих» норм для всех государств, ставших основными принципами международного права, а, во-вторых, на положениях ст. 38 Статута МС, и именно на первичности ее формулы об обязанности Суда разрешать переданные ему дела на основании международного права. Почти автоматический перевод общих принципов права (хотя бы и с учетом их «признания цивилизованными нациями», «демократичности» содержания т. п.) в разряд основных принципов международного права кажется неоправданным: руководствуясь той же логикой, следует признать и «доктрину наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» источником международного права (здесь ведь также целесообразно допустить, что речь идет о специалистах не просто публичного права, а «международного публичного права»?!).

⁴² Достаточно сказать, что в проекте вывода 1 по докладу «сфера применения» указывается четко: «Настоящие проекты выводов касаются общих принципов права как одного из источников международного права».

В международно-правовой литературе распространено предположение об «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями» выступать в качестве инструмента толкования и функционально обеспечивать преодоление проблемы *non liquet* («дело не ясно»). Напомним, что Г.И. Тункин не разделял концепцию *non liquet* применительно к общим принципам права и резко возражал против их интерпретации в качестве принципов права, свойственных внутригосударственному праву (национальным правовым системам отдельных государств, в частности, «буржуазных»), особенно как «принципов», «общих» для систем права классово, следовательно, идеологически, равно как и субстантивно различающихся государств по причине качественных расхождений в праве двух систем. Исходя из принципа историзма, нельзя отрицать его правоту в контексте соответствующего формационного подхода к развитию права и государства и адекватной тому этапу науки международного права. Однако в иную эпоху стоит взглянуть на анализируемую категорию с другой стороны. Так, в условиях усиления взаимозависимости государств, несомненно отражающейся и в праве, поступательности глобализационных процессов, усиления тенденций к сближению национально-правовых норм во все более широком международном масштабе, укрепления взаимного влияния друг на друга международного и внутригосударственного права и т. п., создается иная материальная основа для появления действительно общих для правовых систем разных государств принципов права.

В новейшей юридической литературе высказываются даже идеи о конвергенции международного и внутригосударственного права (Ю.С. Безбородов), которые конструируются в определенной мере с использованием и линии «общих принципов права». В частности, указывается на их роль в качестве средства гармонизации и унификации права⁴³, что на самом деле далеко от истины, так как гармонизация и унификация – это процессы, ведущие к достижению цели единообразия в праве (в отдельных его секторах и сферах), ничего общего не имеющие с классическим пониманием «общих принципов права». В иных исследованиях, по-

священных правовой, или юридической конвергенции, последняя определяется как процесс взаимодействия между элементами внутри системы права как такового, между правом и неправом, между различными системами права и т. д. При этом выделяются дополнительные факторы для определения контуров конвергенции как сближения, а именно наличие иных регуляторов отношений в обществе, между системами, увеличение количества связей между элементами (О.Д.Третьякова)⁴⁴. Не разделяя по существу концепций конвергенции международного и внутригосударственного права, все же заметим, что, если бы данное высказывание принадлежало специалисту в области международного права, в число упомянутых дополнительных факторов вышеуказанной конструкции «общие принципы права» можно было бы вписать лишь в качестве неправового элемента. Однако данное предложение отнюдь не должно восприниматься в виде попытки усилить обоснование так называемой «теории конвергенции международного и внутригосударственного права».

Возвращаясь к общим принципам права как явлению, имеющему неоднозначный смысл не только в общетеоретическом плане, но в науке международного права, важно подчеркнуть: сегодня, пожалуй, оправданно говорить об «общих принципах права, признанных большинством международного сообщества», в которых присутствуют *элементы общности принципов права национально-правовых систем, оказавшихся усвоенными также и международным правом*. Иными словами, такие правила, как *pacta sunt servanda*, *lege posteriori derogat lege anteriori*, *lege speciali derogat lege generali*, *par in parem non habet imperii*, *par in parem non habet jurisdictionem*, *pacta tertii nec nocent nec prosunt*, *nullum crimen sine lege*, *nullum poena sine lege*, *uti possidetis juris*, *bonae fidei*, *audiatur et altera pars*, *nemo iudex in propria causa*, *non bis in idem* и т. п. представляют собой арсенал как внутригосударственного, так и международного права. Данные положения действительно являются общими для обеих систем благодаря воплощению в себе наиболее ценных свойств, которые выявляют содержание права в виде исходных, сквозных идей, главных его начал, юридических максим апробированного типа

⁴³ Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Дисс...доктора юрид. наук. Екатеринбург. 2019. С. 49, 181.

⁴⁴ См.: Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция. Дисс...доктора юрид. наук. Владимир. 2012. С. 8.

или практического значения для уяснения как воли сторон (содержания волеизъявления), так и смысла соответствующих процедур, техник и т. п., разделяемых и признаваемых национальными и международно-правовыми системами права. При этом стоит указать на не юридический, не нормативный, а вспомогательный, субсидиарно-интерпретационный характер «общих принципов права»: даже в упомянутой трактовке они не утрачивают своего значения, обозначенного в ст. 38 Статута Международного Суда, выступая *средством для определения правовых норм*.

Действие вышеупомянутого принципа исто­ризма привело и к изменениям в восприятии «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», по сравнению с тем, как они были представлены в Статуте Постоянной палаты международного правосудия, а затем в Статуте Международного Суда – главного судебного органа ООН. Изменения касаются, прежде всего, понимания их природы и функций. Из подготовительных документов Консультативной комиссии юристов, которая была создана Лигой Наций в 1920 г. следует, что комиссия руководствовалась соображениями о том, что стороны, передавая свой спор на решение международного судебного органа, рассчитывают на получение по нему решения. Однако, если суд констатирует отсутствие в праве нормы, подлежащей применению, это будет означать признание состояния *non liquet* и, следовательно, повлечет невозможность вынесения решения. В свете этого понятие «общие принципы права» рассматривается прежде всего как возможность для суда избежать ситуации квалификации *non liquet*. «Случаи *non liquet* в целом контрпродуктивны для юстиции и правопорядка. Чтобы избежать их, международные арбитры обращаются к концепции общих принципов права для широкого толкования

существующего правила, обоснования внутреннего убеждения судьи в том, что несколько обособленных исходных правил можно свести в единое посредством логическо-правового рассуждения. При этом не имеет существенного значения, из национального или международно-го права заимствованы эти исходные правила»⁴⁵.

В завершение краткого рассмотрения некоторых ключевых аспектов понятий «общие принципы права» и «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» с позиций теории международного права представляется важным сделать вывод о том, что на настоящем этапе следует иначе, чем ранее, подходить к их сущности и содержанию. С учетом произошедших изменений в международном праве, современных тенденций в понимании свойственных ему характерных черт, равно как и особенностей его соотношения с системой внутрисударственного права, думается, оправданной будет констатация, что имеется два разряда общих принципов права (даже с учетом их наличия в формулировке «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»). Первый – это «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», т. е. государствами, *общие* для множества национально-правовых систем, присутствующие во внутрисударственном праве значительного числа государств. Второй – «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», которые стали общими для международного сообщества (*generally recognized by civilized nations*), получив большей частью отражение в договорно-правовых либо обычно-правовых нормах в массиве международного права в результате соответствующего признания (*assentance*) правила как правовой нормы в практике субъектов международного права⁴⁶. В таком случае отпадет упрек в механическом

⁴⁵ См.: *Международное право в 2 ч. Ч.1: учебник для академического бакалавриата*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 3-е изд. М.: Юрайт. 2019. С. 34. Как видим, современные авторы присоединяются к Г.И. Тункину в его оценке подобного значения «общих принципов права». В этой связи нельзя обойти молчанием позицию другого не менее именитого советского ученого, относящегося к более раннему периоду в развитии науки международного права, – В.М. Корецкого. Он весьма резко протестовал, во-первых, против придания «общим принципам права» качества выступать нормообразующим инструментом международного права, перенесенным из внутрисударственного права, доказывая с помощью обстоятельного анализа их генезиса невозможность заполнения пробелов в международном праве за счет теории *non liquet* и техники решения на такой основе международно-правовых споров, – во-вторых [Корецкий 1989:165-169]. Здесь будет весьма кстати обратить внимание российской и прочей аудитории на диссонанс воспроизводимой реакции В.М. Корецкого по поводу трактовки «общих принципов права» как «нормообразующего инструмента» с тем, что *expressis verbis* фигурирует ныне в разработках КМП ООН и доктрине, когда общие принципы права возводятся в ранг формальных «источников международного права» (!). Со ссылками на Л. Оппенгейма – Х. Лаутерпахта см. в этой связи: [Bassiouni 1990:768-818].

⁴⁶ См. об этом: UN International Law Commission: Second report on identification of customary international law by Michael Wood, Special Rapporteur. P. 6–15, 17–31. URL: <https://undocs.org/A/CN.4/672> (accessed 17.01.2021).

перенесении общих принципов права из внутригосударственной системы на почву международного права, не совместимого с природой межгосударственных отношений и средствами их регулирования.

6. Заключение

Отвечая на сегодняшние вызовы правового регулирования межгосударственных отношений, и ввиду необходимости создания концепта функционирования не только системы международного права в целом, но и системы его принципов, очень важно упорядочить аппарат международно-правовой науки, куда входит и анализируемая составляющая – отдельные типы, виды и группы принципов. Достичь этого можно за счет типологизации и дифференциации различных понятий, составляющих основу данного раздела международно-правовой науки. Задача систематизировать базовую терминологию и понятийную основу международно-правовой науки в вопросе о принципах, возможно, не выглядит сегодня первоочередной, но от ее решения зависит и надлежащее правоприменение, и развитие позитивного международного права, поскольку и в том, и в другом отношении фундаментальное значение принадлежит именно принципам. Формирование системы принципов для целей гармоничного, продуктивного функционирования международного права в целом, определение актуального вектора в развитии его норм в целом или обозначение доминирующих тенденций в реализации международного общеправия, – все это обеспечивается благодаря принципам. Равным образом указанное детерминирует

парадигму развития отечественной международно-правовой теории на настоящем этапе и в свете перечисленного требует скорейшего адекватного выявления существа, юридического значения и места каждого из разрядов (видов) принципов в целостном функционировании системы, учета их взаимосвязи, и, наконец, обеспечения синхронизации действия всех компонентов системы.

Несмотря на критику, которая присутствует в настоящем относительно недостаточного уровня научно-теоретической исследованности типологии принципов в международном праве, равно как и некоторых отдельных их категорий, особенно в части *специальных принципов*, полезно для укрепления оптимизма вспомнить нехитрый завет древнекитайских философов: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага» (Лао-Цзы), который современным юристам–международникам, как представляется, нужно начинать и продолжать прокладывать дальше. С учетом предложенной картины разнообразия в субстантивной материи международного права, составляемой его принципами, подвергшимися освещению, нелишне подчеркнуть, что сталкивающиеся мнения и противоположные тенденции в подходах к существенным элементам функционирования международного права, каковыми, несомненно, выступают и его принципы, усиливают своевременность фундаментального анализа и смежных явлений, соседствующих с ними. Данное заключение, пожалуй, способно поставить определенную точку в порядке подведения итогов по представленным здесь соображениям.

Список литературы

1. Ануфриева Л. П. 1987. *Сотрудничество в области науки и техники между социалистическими и развивающимися странами (правовые вопросы)*. М.: Наука. 175 с.
2. Ануфриева Л.П. 2019. Принцип свободы научных исследований в системе принципов современного правового регулирования международного научно-технического сотрудничества. – *Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. Ч. 1*. М.: РФ-Пресс. С.181–188.
3. Ануфриева Л.П. 2018. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС. – *Актуальные проблемы российского права*. № 12. С. 175–186. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.97.12.175-186>
4. Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>
5. Батурин Ю.М. 2005. Первый спутник и международное космическое право (советский и американский подходы). – *Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора Г.П.Жукова*. Отв. ред. А.Я. Капустин, А.Х.Абашидзе. М.: Издательство РУДН. С. 1–17.
6. Витцтум Г. [и др.]. 2015. *Международное право*. М. Инфотропик Медиа. 1072 с.
7. Доронина Н.Г., Казанцев Н.М., Семилютин Н.Г. 2017. *Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное: монография*. М.: Норма.160 с.

8. Игнатенко Г.В., Малинин С.А. 1987. Новые тенденции в международном нормотворчестве. – *XXX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права. 28, 29, 30 января 1987 г. Тезисы докладов.* М. С. 8-9.
9. Корецкий В.М. 1989. *Избранные труды. В 2 книгах. Кн.2.* Киев: Наукова думка. 414 с.
10. *Курс международного права: В 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права.* Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
11. Лифшиц И.М. 2020. *Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние: монография.* М.: Юстицинформ. 544 с.
12. Поветкина Н.А. 2017. Принципы правового обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации: теоретические подходы и классификация. – *Журнал российского права.* № 5. С.64–80. DOI: 10.12737/article_58f48b4947b517.02418784
13. *Право ВТО: теория и практика применения: монография.* Под ред. Л.П. Ануфриевой. 2016. М.: Норма. 528 с.
14. Тункин Г.И. 2006. *Теория международного права.* М.: Зерцало. 416 с.
15. Усенко Е.Т. 2008. *Очерки теории международного права.* М.: Норма. 240 с.
16. Усенко Е.Т. 1988. О системе международного права. – *Советское государство и право.* № 4. С. 117–126.
17. Фельдман Д.И. 1979. О системе международного права. – *Советский ежегодник международного права, 1977.* М.: Наука. С. 105–107.
18. Фельдман Д.И. 1983. *Система международного права.* Казань: Издательство Казанского университета. 119 с.
19. Черниченко С.В. 2014. *Контуры международного права. Общие вопросы.* М.: Научная книга. 592 с.
20. Шугуров М.В. 2012. Международно-правовой принцип свободы научных исследований и глобализация научно-технологического прогресса. – *Российская юстиция.* № 2. С. 17–21.
21. Bassiouni M. C. 1990. A Functional Approach to "General Principles of International Law". – *Michigan Journal of International Law.* Vol. 11. Issue 3. P. 768–818.
22. Conklin W. 2012. The peremptory norms of the international community. – *European Journal of International Law.* Vol. 23. Issue 3. P. 837–861. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs048>
23. *Global Environmental Change and Innovation in International Law.* Ed. by N. Craik [et al.]. 2018. Cambridge, Cambridge University Press. 363 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108526081>
24. Hart H.L.A. 1961. *The Concept of Law.* London; Oxford: Clarendon Press. 263 p.
25. Kelsen H. 1952. *Principles of International Law.* New York: Rinehart & Co. 461 p.
26. Lindroos A., Mehling M. 2005. Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO. – *European Journal of International Law.* Vol. 16. Issue 5. P. 867-877. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi148>
27. Rousseau Ch. 1944. *Droit international public. T. I. Introduction et sources.* Paris: A. Pedone. 796 p.
28. Shaw M.N. 2017. *International Law.* 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
29. Simma B., Pulkowski D. 2006. Of Planets and the Universe: Self-Contained Regimes in International Law. – *European Journal of International Law.* Vol. 17. Issue 4. P. 483-529. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chl015>
30. Teimurov E., Kozheurov Y. 2020. Conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation on the example of marine scientific research. – *Journal of Physics: Conference Series.* Vol. 1685. No. 012013. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012013. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1685/1/012013/pdf> (accessed 11.01.2021).
31. *The freedom of scientific research: Bridging the gap between science and society (Contemporary Issues in Bioethics).* Ed. by S. Giordano, J. Harris and L. Piccirillo. 2018. Manchester: Manchester University Press. 264 p.
32. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo.* Moscow. Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p.)
33. Wolfke K. 1993. *Custom in Present International Law.* 2nd ed. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff. 192 p.

References

1. Anufrieva L. P. *Sotrudnichestvo v oblasti nauki i tekhniki mezhdru sotsialisticheskimi i razvivayushchimisya stranami (pravovye voprosy)* [Cooperation in the field of science and technology between socialist and developing countries (legal issues)]. Moscow: Nauka Publ. 1987. 175 p. (In Russ.)
2. Anufrieva L.P. Printsip svobody nauchnykh issledovaniy v sisteme printsipov sovremennogo pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [The principle of freedom of scientific research in the system of principles of modern legal regulation of international scientific and technical cooperation]. – *Rossiiskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoi promyshlennoi revolyutsii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskije chteniya): materialy konferentsii: v 3 ch. Ch. 1* [Russian legal system in the context of the fourth industrial revolution. XVI International scientific-practical conference (Kutafin readings): conference materials: in 3 parts. Part 1]. Moscow: RG-Press Publ. 2019. P.181–188. (In Russ.)
3. Anufrieva L.P. Printsipy i pravovye formy sotrudnichestva v oblasti nauki, tekhniki i innovatsii mezhdru Rossiei i stranami ES [Principles and Legal Forms of Cooperation in Science, Technology and Innovation between Russia and the EU Countries]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava.* 2018. No. 12. P. 175-186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.97.12.175-186>
4. Anufrieva L.P. Printsipy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponyatiya, prirody, genезisa, sushchnosti i soderzhaniya) [Principles in Modern International Law (Certain Issues of Concept, Nature, Genesis, Substance and Scope)]. – *Moscow Journal of International Law.* 2021. No. 1. P. 6-27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>
5. Bassiouni M. C. A Functional Approach to "General Principles of International Law". – *Michigan Journal of International Law.* 1990. Vol. 11. Issue 3. P. 768–818.
6. Baturin Yu.M. Pervyi sputnik i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo (sovetskii i amerikanskii podkhody) [The first satellite and international space law (Soviet and American approaches)]. – *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy mezhdunarodnoy 80-letiyu professora G.P.Zhukova.* Otv. red. A.Ya. Kapustin, A.Kh.Abashidze [Materials of the interuniversity scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of Professor G.P. Zhukov. Ed. by A. Ya. Kapustin and

- A.Kh. Abashidze.]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN Publ. 2005. P.1–17. (In Russ.)
7. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [International Law Contours]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2014. 592 p. (In Russ.)
 8. Conklin W. The peremptory norms of the international community. – *European Journal of International Law*. 2012. Vol. 23. Issue 3. P. 837–861. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs048>
 9. Doronina N.G., Kazantsev N.M., Semilyutina N.G. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii: global'noe, natsional'noe, regional'noe: monografiya* [Regulation of Economic Relations: Global, National, Regional: a monograph]. Moscow: Norma Publ. 2017. 160 p. (In Russ.)
 10. Fel'dman D.I. O sisteme mezhdunarodnogo prava [About the System of International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1977* [Soviet Yearbook of International Law, 1977]. Moscow: Nauka Publ. 1979. P. 105–107. (In Russ.)
 11. Fel'dman D.I. *Sistema mezhdunarodnogo prava* [The System of International Law]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ. 1983. 119 p. (In Russ.)
 12. *Global Environmental Change and Innovation in International Law*. Ed. by N. Craik [et al.]. Cambridge, Cambridge University Press. 2018. 363 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108526081>
 13. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. London; Oxford: Clarendon Press. 1961. 263 p.
 14. *Global Environmental Change and Innovation in International Law*. Ed. by N. Craik [et al.]. Cambridge, Cambridge University Press. 2018. 363 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108526081>
 15. Ignatenko G.V., Malinin S.A. Novye tendentsii v mezhdunarodnom normotvorchestve [New Trends in the International Rule-making]. – *XXX ezhegodnoe sobranie Sovetskoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava. 28, 29, 30 yanvarya 1987 g. Tezisy dokladov* [XXX Annual Meeting of the Soviet Association of International Law. 28, 29, 30 January 1987 Abstracts]. Moscow. 1987. P. 8–9. (In Russ.)
 16. Kelsen H. *Principles of International Law*. New York: Rinehart & Co. 1952. 461 p.
 17. Koretskii V.M. *Izbrannye trudy. V 2 knigakh. Kn.2* [Selected Works. In 2 Books. Book 1]. Kiev: Naukova dumka Publ. 1989. 414 p. (In Russ.)
 18. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. R.A. Müllerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Müllerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
 19. Lifshits I.M. *Mezhdunarodnoe finansovoe pravo i pravo Evropeiskogo soyuza: vzaimodeistvie i vzaimovliyanie: monografiya* [International financial law and the law of the European Union: interaction and mutual influence: a monograph]. Moscow: Yustitsinform Publ. 2020. 544. (In Russ.)
 20. Lindroos A., Mehling M. Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO. – *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. Issue 5. P. 867–877. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi148>
 21. Povetkina N.A. Printsipy pravovogo obespecheniya finansovoi ustoychivosti Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie podkhody i klassifikatsiya [Principles of legal provision of financial stability of the Russian Federation: theoretical approaches and classification]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2017. No. 5. P.64–80. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_58f48b4947b517.02418784
 22. *Pravo VTO: teoriya i praktika primeneniya: monografiya*. Pod red. L.P. Anufrievoi. [WTO law theory and practice of application: a monograph. Ed. by L.P. Anufrieva]. Moscow: Norma Publ. 2016. 528 p. (In Russ.)
 23. Rousseau Ch. *Droit international public. T. I. Introduction et sources*. Paris: A. Pedone. 1944. 796 p.
 24. Shaw M.N. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
 25. Shugurov M.V. Mezhdunarodno-pravovoi printsip svobody nauchnykh issledovaniy i globalizatsiya nauchno-tekhnologicheskogo progressa [International legal principle of freedom of scientific research and globalization of scientific and technological progress]. – *Rossiiskaya yustitsiya*. 2012. No. 2. P. 17–21. (In Russ.)
 26. Simma B., Pulkowski D. Of Planets and the Universe: Self-Contained Regimes in International Law. – *European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17. Issue 4. P. 483–529. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi015>
 27. Teimurov E., Kozheurov Y. Conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation on the example of marine scientific research. – *Journal of Physics: Conference Series*. 2020. Vol. 1685. No. 012013. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012013. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1685/1/012013/pdf> (accessed 11.01.2021).
 28. *The freedom of scientific research: Bridging the gap between science and society (Contemporary Issues in Bioethics)*. Ed. by S. Giordano, J. Harris and L. Piccirillo. Manchester: Manchester University Press. 2018. 264 p.
 29. Tunkin G.I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Zertsalo Publ. 2006. 416 p. (In Russ.)
 30. Usenko E.T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays in Theory of International Law]. Moscow: Norma Publ. 2008. 240 p. (In Russ.)
 31. Usenko E.T. O sisteme mezhdunarodnogo prava [About the System of International Law]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1988. No. 4. P. 117–126. (In Russ.)
 32. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow. Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p.)
 33. Wolfke K. *Custom in Present International Law*. 2nd ed. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff. 1993. 192 p.

Информация об авторе**Людмила Петровна Ануфриева,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

lpanufrieva@msal.ru
ORCID: 0000-0002-5132-879X

About the Author**Ludmila P. Anufrieva,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lpanufrieva@msal.ru
ORCID: 0000-0002-5132-879X